

МОРСКОЙ
СПЕЦНАЗ

ГДЕ МЫ, ТАМ ПОБЕДА!

Сергей ЗВЕРЕВ

МОРСКОЙ ДОЗОР

Сергей Иванович Зверев
Морской дозор
Серия «Морской спецназ»

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=170887
Морской дозор: Эксмо; М.; 2004
ISBN 5-699-08062-7*

Аннотация

Недаром поется в старой песне: «Славное море, священный Байкал...» Самое крупное озеро в мире действительно похоже на море. Поэтому морской спецназовец Серега Павлов по прозвищу Полундра приехал именно сюда для испытания уникальной мини-подлодки «Нерпа» в условиях пресной воды. Вместе с ним прибыл взвод охраны во главе с Михаилом Никифоровым. Этот морской дозор обнаруживает на дне сбитый вертолет. И неожиданно оказывается втянутым в противостояние с грозным и неведомым противником. Полундре и его отряду предстоит жестокая схватка. Под водой, на воде, на суше...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	13
Глава 3	23
Глава 4	33
Глава 5	39
Глава 6	46
Глава 7	56
Глава 8	63
Глава 9	75
Глава 10	93
Конец ознакомительного фрагмента.	97

Сергей Зверев

Морской дозор

Глава 1

Тяжелая, могучая в своей неуклюжести серо-зеленая туша вертолета с низким басовитым грохотом шла над шиферными крышами поселка Усть-Баргузин. Это был «Ми-26», модель, которую вертолетчики издавна с ласковой, необидной насмешкой окрестили «сараем». В грузопассажирской машине совсем не чувствовалось хищной стремительности вертушек огневой поддержки: «Барракуд», «Черных акул» и их импортных аналогов, вроде американских «Ирокезов» или «Апачей». Вертолет скорее напоминал битюга-тяжеловоза, добродушного, мощного и безотказного.

Приближался Байкал. Под брюхом военно-транспортного вертолета неспешно проплыли обшарпанные домики, двухэтажное здание поселкового совета, гаражи, склады, сарайчики, хозяйственные постройки, темная зелень крошечного елового колка на окраине, там, где располагалось поселковое кладбище. «Ми-26» на небольшой высоте подходил к самому устью впадающей в великое сибирское озеро реки Баргузин, по названию которой был назван бурятский поселок.

Бортмеханик Алексей, самый молодой из четырех членов

экипажа, совсем недавно выпущенный из вертолетного училища, тронул за плечо сидящего рядом штурмана:

– Слышь, Петрович, а баргузин – это что, нация такая? Ну, в смысле народ, который по этой речке живет, да?

Экипаж – это одна семья. Все они прежде всего вертолетчики, летуны, а звания и должности – это все потом. Поэтому тридцатитрехлетний Петрович не обиделся на несколько фамильярное обращение младшего товарища. Кроме всего прочего, приятно, знаете ли, чувствовать себя кладезем знания и опыта!

– Ветер так называется, деревня! – снисходительно пояснил он. – Северо-восточный. Песню такую слышал: «Эй, баргузин, пошевеливай вал!» Нет? Один тяжелый рок на слуху. Я же говорю, деревня! Как раз про него поется, про северо-восточный. А по названию ветра – река. Или наоборот, кто его разберет. Так буряты назвали. Вот они-то как раз по берегам этой реки живут, понял, Леха?

– Этот северо-восточный ветер все усиливается, – недовольно заметил услышавший их пилот «Ми-26». – И задует точнехонько нам в хвост. От чего я не в восторге. Эх, скорее бы отбойриться, закончить этот рейс! Не нравится он мне. Сам не знаю почему, а вот не нравится! Предчувствия хреновые.

Пограничники, летчики, моряки, пожарные, боевые офицеры, словом, люди экстремальных профессий хорошо знают это пакостное ощущение: все, казалось бы, в порядке, а

душа настолько не на месте, что хочется волком выть. Предчувствие того, что вот-вот случится какая-то крупная гадость.

Мистика? Пожалуй... Но беда в том, что подобные предчувствия имеют обыкновение оправдываться.

Штурман и бортмеханик переглянулись: о чем это командир?

– Чего это ты, Сережа? – недоуменно поинтересовался четвертый из экипажа, радист. – Рейс как рейс, а что он левый, что груз гражданский, так не в первый же раз. Мы давно не девочки, а жрать охота каждый день!

– Тем более заплатили нам неслабо, этот коммерсант местный налички не пожалел, – поддержал радиста штурман Петрович. – А все официальные документы в полном порядке, комар носа не подточит. Обычная перегонка вертолета. Летим себе из Иркутска на военную базу в Читу. Нам приказали, вот мы, значит, и летим. Журнал полетов? Пожалуйста, все отражено честь по чести. Полетный лист? Опять же все в ажуре. Ну и в нашем бортжурнале, наконец, то же самое черным по белому...

– А все же... – упрямо покачал головой пилот.

– Нет, ты постой. – Радиста явно зацепило за живое. – Мы прямой приказ получили? Я что-то совсем не хочу ссориться с генералом Берсентьевым из штаба округа. Весовые категории у нас разные, звезды на погонах, опять же, по размеру отличаются. У него крупнее. А что он нас как воздушных из-

возчиков использует, втемную, так не на облаке живем, пора привыкнуть. Попала собака в колесо, – пищи да бежи!

– Особенно противно даже не генералу Берсентьеву, а этой крашеной стервозине, его дражайшей супруге подчиняться! – непримиримо, с едкой злобой в голосе продолжал возражать друзьям Сергей. – Виктория Владимировна, понимаешь ли! Мне, офицеру ВВС России, тыкает! А у самой глаза, как у кобры перед броском, я на этих тварей в Средней Азии насмотрелся. Один к одному генеральская половина. Бизнесменша, видишь ли! Обратили внимание, как она с этим хрюндеlem, который с нами в прошлый раз расплачивался, в сторонку отошла, чтобы мы не услышали, и о чем-то чуть не четверть часа трепалась приватно? Зуб даю, что и в том грузе, что мы на этот раз везем, оч-чень даже ее доля бабок есть. Она с этим местным «предпринимателем» не впервой на пару дело крутит, и большой вопрос, кто главный! Страх как таких «бизнес-леди» не выношу. Сволочнее не найдешь.

– Да-а уж, Виктория точно что бизнес-леди, – неодобрительно, однако с оттенком того чуть брезгливого восхищения, которое у порядочных людей вызывают удачливые жулики, протянул штурман вертолета. – Сколько и чего мы по ее заказам только не перевозили на коняшке нашей! Да не одни мы... Я тоже уверен, что к нашему сегодняшнему рейсу она ручонки блудливые приложила, иначе с чего бы генерал так распорядился? Она этот вертолет при желании давно

выкупить бы могла. В личное безраздельное владение. Бабок хватило бы. Только зачем ей, с таким-то муженьком!

– Самое интересное, – мрачно заметил пилот, – что взбреди ей такая дикая фантазия в голову, так ведь продали бы! Не такую еще технику продавали.

Последние разбросанные у самого места впадения речки в Байкал домишки Усть-Баргузина косо ушли назад и вниз, под хвост «Ми-26». Внизу засерел ноздреватый мартовский лед озера, потянулась цепочка протаявших прибрежных островков, черные остовы сгнивших лодок и катерков заброшенного рыбколхоза. Необычно теплая погода, установившаяся в Бурятии этой весной, напитала байкальский лед влагой растаявшего снега, сделала его непрочным, по-апрельски обманчивым. Лужицы, лужи, целые бочажины талой воды, покрывающие ледяной панцирь Байкала, ярко отблескивали в лучах низкого солнца, бьющих из-под белых пушистых облаков.

– Петрович, – с тревожным любопытством спросил вдруг молоденький бортмеханик, внимательно слушавший разговор своих старших товарищей, – это выходит, что она, баба генеральская, на нас наживается, а мы молчим? Как-то это... Нехорошо.

«Господи, – подумал штурман, – до чего же ты сосунок еще! Давно ли я сам таким был! Чего уж тут хорошего! Вот только...»

– Погано это, Леха, – проговорил он свою мысль вслух. –

Вот только против тех чинов, которые за расхитиловкой стоят, нам, простым летунам, хвост пружинить – это вроде как на танк с мухобойкой переть. Пикнуть не успеешь, а тебя уже на гусеницы намотало. Хорошо еще, если просто вышибут с волчьим билетом. Могут чего похуже устроить. Вертолеты, они падают иногда... Вот так. Потом, ведь мы тоже не святые, я же говорил, чего нам не пришлось в «сараях» вот этом туда-сюда по воздуху таскать... Не по одной России транспортировали, но даже и за границу, бывало. Ну да, в Монголию, когда и в ближний Китай. Есть способы, ты уж мне поверь. Что возили? Да всякое. Ты теперь свой, ты в экипаже, чего уж от тебя скрывать! И взрывчатку, и кирзовые сапоги армейские в обмен на китайские пуховики, и шинели – на тушенку. Много чего. Это армия у нас бедная стала, отдельные армейцы, как раз наоборот, какие еще богатые. Так что, пойми, дружок, мы тоже подзамазаны. У болота сидючи как не замажешься; вот женишься – узнаешь, каково с семьей на офицерскую зарплату жить. Которую могут выплатить, а могут и нет. Но сразу тебе скажу: ни с оружием, ни с наркотиками наш экипаж никогда не связывался. Здесь мы чисты.

– А другие экипажи? – никак не хотел угомониться Алексей.

– Вот у других и спрашивай, – грубовато оборвал его командир, лицо которого скривилось, как от зубной боли.

Очень уж неприятна была для Сергея затронутая тема.

– Как полагаете, что на этот раз возьмем? – ни к кому конкретно не обращаясь, задумчиво поинтересовался радист.

Весь экипаж, как по команде, повернул головы назад и чуть налево, где к полу кабины было прочно принайтовано десять небольших ящичков. Всего-то с полметра каждый в высоту, в поперечном сечении – квадрат со сторонами примерно десять на десять сантиметров. Маркировки на ящичках не разглядеть – все они были плотно обтянуты брезентом.

– Дьявол его разберет, – сказал, словно сплюнул, штурман. – Меньше знаешь – крепче спишь. Наше дело доставить. Одно скажу, тяжеленные они, ненормально для таких размеров. Я когда закреплять их помогал, то умучился вконец, а вроде мужик не слабый. По полцентнера каждый, ей-богу, не вру.

– Да быть не может, – удивился бортмеханик Леша. – Какой в них объем-то? Литров по пять, не больше! И чтобы по пятьдесят кило каждый... Чудеса природы!

– Сам попытайся приподнять один, – пробурчал Петрович, обиженный недоверием «молодого».

– Отставить попытки! – резко проговорил командир «Ми-26». – А то еще, хм-м... на ногу свалится. Не наше это дело. Не атомная бомба – и на том спасибо.

По левому борту вертолета показалась высокая береговая сопка. Среди высоких стройных сосен, выросших на ее легких супесных почвах, выделялась ажурная антенна-тарел-

ка военной радиолокационной станции. А у самого подножия сопки, прямо под двумя домиками РЛС, увенчанными антенной, совсем близко к урезу воды теснилось несколько длинных, запредельно облезлых бараков лагерно-казарменного вида.

– Вон, видал? – радист указал рукой на проплывающие внизу строения. – Это, Леха, еще одно чудо местной природы. Стоит тут эта РЛС пес знает с какого времени, тихо ржавеет. Потому как даром она здесь никому не нужна. А при ней, как положено, воинская часть.

– Так зачем ее тут держать? – удивился бортмеханик, отличающийся редкостной наивностью. – Даже отсюда, сверху, видно, что там запустение сплошное. Неужто в руинах этих солдаты живут?! Барак-то крайний – вообще без крыши! Нет, ну прямо фашист пролетел, страх смотреть!

– Именно что страх, – невесело ухмыльнулся командир. – А внизу, при ближайшем рассмотрении, вовсе полное позорище. Здесь все очень просто: военная часть сильно опустела за последние годы, ее бы по-хорошему ликвидировать вместе с РЛС, но неподалеку генеральские дачи, генералам нужен бесплатный солдатский труд. Вот и гонят сюда срочников, таким орлам боевым, как Берсентьев, особнячки возводить, огороды перепахивать... Такая вот у солдатиков боевая подготовка получается.

Эта тема тоже явно была Сергею в тягость. Он тяжело вздохнул, прерывая неприятный разговор, затем обернулся

к радисту:

– Ты с контрольно-диспетчерским пунктом давно на связь выходил? Вот и займись своим прямым делом, передай на КДП наши координаты.

Глава 2

В невысокой стеклянной башенке контрольно-диспетчерского пункта, на который поступала курсовая информация с «Ми-26», в это время находилось два человека: среднего возраста мужчина в форменном вэвээсовском кителе с майорскими погонями и женщина в гражданской одежде.

Лев Шукин, простоватого вида толстяк лет сорока с уже основательно поредевшей шевелюрой, на КДП находился по полному праву. Мало того, – по долгу службы. Он был руководителем полетов, делил с экипажами, находящимися в этот момент в воздухе, ответственность за успешное выполнение летного задания. Или неуспешное, такое тоже случалось. На даму, с которой он в настоящее время делил тесную прозрачную клетушку КДП, майор, стараясь, чтобы это не было заметно, поглядывал с явным неодобрением. Мягко выражаясь...

Имел Шукин к тому все основания. Более чем. Потому что согласно совершенно четким, недвусмысленным должностным инструкциям посторонних на КДП быть не должно. Даже военных, а уж о гражданских лицах тут и разговора быть не может. Здесь все же не аттракцион в парке культуры, а инструкции отнюдь не дураки писали.

Однако, как на беду издревле повелось в России, законы писаны не для всех. Для некоторых лишь один закон суще-

ствует, одна инструкция на все случаи жизни: чего хочу, то и ворочу.

А отвечать за нарушение, в случае чего, придется ему, майору Щукину! Этой... боевой подруге все как с гуся вода!

Именно дурацкая ситуация с гражданским лицом, к тому же женщиной, на вверенном ему КДП внутренне напрягала майора.

Но не только нарушение инструкции заставляло его хмурить редкие белесоватые брови, а еще и то, что женщина была Щукину категорически антипатична. Противна, проще сказать.

Выглядела дама лет на сорок, то есть была ровесницей Щукина. Высокая, довольно стройная, хотя фигура уже начала чуть расплываться. Дорого, модно, хотя несколько вульгарно одетая: темно-бордовый английский брючный костюм, купленный в самом престижном бутике Иркутска, поверх него английская же пуховка салатного цвета и роскошная зимняя шапка из голубого песка. Шапку ценой в годовую майорскую зарплату дама небрежно бросила на стол перед собой: в тесной клетушке КДП было тепло. У нее были короткие, уложенные в модную прическу каштановые волосы, светло-серые, чуть навывкате, глаза. Умело наложенный, очень дорогой макияж.

Плюс исходящее от дамы благоухание «Magy pouage», как завершающий штрих. Ее можно было бы назвать красивой, если бы не злобноватое и одновременно капризно-надмен-

ное выражение лица, заставляющее вспомнить хищную мордочку хорька.

Такая мина исключительно характерна для вышедших «из грязи в князи» хозяев жизни, пребывающих в незыблемой уверенности, что Вселенная вращается именно вокруг них, все же остальные двуногие – так, бросовый материал. Навоз под пашню. Холуи в лучшем случае.

Брезгливо оглядев небогатую обстановку КДП в поисках пепельницы, но таковой не обнаружив, дама не стала долго задумываться. Она попросту затушила наполовину выкуренную тонкую сигарету о поверхность стола, швырнула ее в стоящую в углу проволочную корзинку для бумаг и обратилась к Щукину:

– Чего вы тут сидите, как на собственных поминках?! Почему не связываетесь с вертолетом? По-моему, уже пора. Я не разбираюсь в этих ваших дурацких координатах. Но мне нужно знать, где они сейчас и скоро ли доползут до Читы. Причем знать немедленно. Так что не заставляйте меня ждать!

В ее высоком, чуть хрипловатом голосе чувствовалось безграничное презрение к этому затурканному жизнью служаке.

– Вам все-таки придется подождать, Виктория Владимировна. – Чтобы сохранить нормальный спокойный тон майору потребовались невероятные усилия. – Когда я веду переговоры по рации с экипажем «Ми-26», мне сообщают ко-

ординаты вертолета через каждые пятнадцать минут. А не через три или пять. Кстати, я же предупреждал вас: в этом помещении запрещено курить. Нельзя, понимаете?!

– Это кому-то другому нельзя, – со злобной иронией хмыкнула дама. – Мне – можно! Со связью все же поторопитесь, иначе на кой леший вы здесь казенные штаны протираете? Да еще именуетесь «руководителем полетов»? Руководитель, тоже мне! Руководятел, вот вы кто!

Майор Щукин, с побелевшим от сдерживаемого бешенства лицом, молча отвернулся.

...Проявлять некоторую хамоватость в пятнадцать лет вполне, вообще говоря, естественно. Взросление, трудный период самоутверждения, то да се... Пожалуй, с натяжкой простительна такая малоприятная черта характера и в двадцать пять. Но не в сорок же! Меж тем сорокалетняя Виктория Владимировна Берсентьева была явной, законченной и патентованной хамкой.

Таковой она, кстати, и останется, стукни ей хоть восемьдесят. Если доживет. Люди подобного сорта меняются очень редко. И всегда – в худшую сторону.

После очередного сеанса связи с экипажем «сарая» Щукин повернулся к выжидающе уставившейся на него Берсентьевой:

– Теперь я могу ответить на ваши вопросы. Вас координаты «Ми-26» интересовали? Извольте, вот они. Что еще? – Голос его был холоден, как лед Байкала.

– Где сейчас находится вертолет? На карте можете показать? – нетерпеливо спросила женщина.

Щукин небрежным движением подвинул песцовую шапку Берсентьевой, расстелил на столе лист двухверстки, затем подумал немного и добавил еще два листа.

Вид хорошей военной карты действительно напоминает тот, который открывается с высоты птичьего полета. Голубизна Байкала, переходящая в местах с большими глубинами в насыщенную бирюзу, причудливые очертания берегов, изрезанных заливчиками, дельтовидное, похожее на неправильный треугольник устье Баргузина, зелень лесов, пронизанная синими жилками речушек и ручьев. Сейчас, когда Бурятию еще покрывал снег, а зеркало великого озера было спрятано под ледяным панцирем, карта выглядела даже краше, наряднее, чем то, что можно увидеть с борта самолета.

Майору, однако, было не до красот. Он аккуратно воткнул в какую-то ведомую только ему точку карты иголку циркуля, совмещенного с курвиметром, провел короткую дугу. Затем наморщил лоб, беззвучно пошевелил губами, что-то про себя подсчитывая.

– К моменту последнего сеанса связи вертолет находился вот здесь, над этим местом, – Щукин очертил тупым концом карандаша небольшой овалчик.

Склонившись над картой, Берсентьева внимательно всмотрелась в указанный майором район байкальского бере-

га вблизи Усть-Баргузина и тоже слегка пошевелила губами, словно запоминая.

«Можно подумать, что ты карту читать умеешь, дура, – ехидно подумал Щукин. – Да и зачем тебе это? Понимаю, чтобы на место меня поставить. Дескать, не хуже тебя, скотинка серая, в карте разобраться могу! Как же, генеральская жена! Ну-ну...»

Ошибался майор. Умела Виктория Владимировна читать двухверстку.

– А это что? – Ее наманикюренный пальчик прошелся чуть дальше очерченного овала, вправо, по курсу вертолета.

– Сейчас – ничего, – угрюмо буркнул майор. – Развалины. Руины. А был рыбоконсервный завод когда-то.

«Пока, – продолжил Щукин про себя, – такие, как ты и твой муженек, не стали хозяевами жизни. И не пустили псу под хвост всю страну, почище любых оккупантов!»

– Сколько им еще колтыхать до Читы? Считая с момента последней связи?

Майор пожал плечами:

– Меньше часа полетного времени осталось. Минут сорок, учитывая направление и скорость ветра. Он им дует почти прямо в хвост.

Берсентьева решительным шагом направилась к двери хлипкой пристроечки, своего рода неотопливаемого тамбура КДП. Уже почти прикрыв ее за собой, она вдруг повернулась к удивленному Щукину:

– Мне нужно позвонить партнерам, чтобы встречали вертолет в Чите.

«Звони, стервозина, мне-то что до этого, – подумал майор. – Хоть партнерам своим долбаным, жулью поганому, хоть шайтану в преисподнюю. Хотя еще большой вопрос, захочет ли шайтан с такой паскудой разговаривать».

Мысли его были печальны, и крутились они вокруг генерал-майора Геннадия Феоктистовича Берсентьева из штаба Забайкальского военного округа и его супруги, Виктории Владимировны, предпринимательницы, занимающейся бизнес-перевозками, которая вот уже около часа испытывала щукинские нервы на прочность.

«Ах, как легко бизнес вести, если у тебя муж – генерал в штабе округа, – с иронией думал Щукин. – Транспорт своей жене он предоставляет по-чти бесплатный, а эта подлючина за срочные и сомнительные перевозки военной авиацией огребает громадные деньги. А попробуй только пикни! Вот изгаляется она надо мной, майором ВВС России, а я что? Только и могу, что обматерить ее про себя». Генерал-майора Берсентьева майор Щукин не уважал. Как и почти все его сослуживцы. Среди среднего офицерского состава, которым жива еще наша многострадальная армия, у генерала Берсентьева сложилась устойчивая репутация: циничный зажавшийся наглец с куриными мозгами. Которого, если по-хорошему, не то что к работе в штабе Забайкальского военного округа, а к чистке свинарников допускать не стоит. Генерал,

отдадим ему должное, не жалел усилий для поддержания такой репутации. К тому же слыл подкаблучником, что в офицерской среде считается позором.

Жену его, Викторию, офицеры дружно ненавидели. За откровенную наглость поведения и демонстративное, пещерное хамство.

В молодые годы был Берсентьев, по слухам, маниакальным кобелем, не пропускавшим ни одной юбки. Но «на всякую щель найдется шпатель», и нарвался Геннадий Феокистович на такую отборную суку, что пробу ставить негде. Скрутила она его намертво, вот с тех пор и плясал генерал под дудочку супруги. А когда разразился всероссийский бардачина, когда экономическая водичка настолько помутнела, что многим захотелось половить в ней жирненькую рыбку, побраконьерствовать вволю, заделалась Виктория Владимировна Берсентьева предпринимательшей с уклоном в «бизнес-перевозки».

Дверь тамбурочка-пристройки протяжно скрипнула, и майор Щукин вновь оказался с глазу на глаз с той, о которой только что думал со столь нежными чувствами.

В унисон дверному скрипу громко, требовательно запищал таймер на рации майора со встроенным скремблером: пора было в очередной раз связываться с экипажем «Ми-26».

Тут, однако, начались поганые сюрпризы: связь ни с того ни с сего «поплыла». Майор успел лишь начать прием от

экипажа очередных текущих координат, как вдруг в наушниках радиации раздался треск сильных помех. Перейдя на другой поддиапазон, майор снова вслушался в эфир. То же самое!

Щукин очень удивился: его немалый опыт однозначно указывал ему на их искусственную природу. Такие помехи обычно получаются, если прием и передачу целенаправленно «глушат».

– Ничего не понимаю. – Он настолько растерялся, что обратился к Берсентьевой: – Это не грозовой фронт, там совсем по-другому «музыка» звучит. Да и потом, какая сейчас, к дьяволу, гроза, в середине марта! Это... Это похоже на «глушилку», включенную на полную мощность. Как раз перекрывающую полосу несущих частот. Абсурд какой-то!

– Подумаешь, дел-то, – сказала она совершенно спокойным, равнодушным тоном, так, словно судьба «Ми-26» на чисто перестала ее волновать. – Ну, сломалось у них там чего-нибудь. Прилетят в Читу – починят!

«Вот и пойми этих идиотов, – со злобой думал Щукин, лихорадочно пытаюсь выйти на резервную, а потом и на аварийную частоту. – То всю плешь мне проела, чуть не каждые три минуты текущие координаты спрашивала, а тут вдруг наплевать стало. Надоело, что ли, шибко деловую да озабоченную передо мной корчить? Ну дура, прости, господи! Но мне-то совсем не все равно! Что же у них произошло со связью? Стоп! А если мы вот этак попробуем...»

Но все его мастерство, весь опыт, все лихорадочные по-

пытки так и не выправили положения. Связь с военно-транспортным вертолетом была утеряна.

Глава 3

Приблизительно в то самое время, когда «Ми-26» проплывал над низкими крышами Усть-Баргузина, на обочину узкого проселочного грейдера, петлявшего по тайге не хуже ручейка, вырулили две машины.

Первым шел могучий трехосный «Урал» с кунгом. Необыкновенно ранняя и теплая для этих мест весна расплавила колеи грейдера, и тяжелая машина двигалась медленно, с натужным ревом мотора вышвыривала из-под колес перемешанное с грязью крошево полурастаявшего снега. Наконец «Урал», подминая громадными колесами мелкий кедровый стланик, росший по сторонам дороги, резко взял вправо, выехав чуть за обочину проселка, и остановился, заглушив мотор.

Казалось, огромная машина облегченно вздохнула, словно уставшее большое животное.

Юркий «уазик», ехавший чуть сзади, повторил маневр первой машины и остановился метрах в пяти от «Урала».

Рядом с его громадной тушей «УАЗ» казался совсем маленьким, каким-то незаметным. Этот образчик лучших российских внедорожников был уже явно не первой молодости, да к тому же изрядно побит жизнью и нелегкими проселками бурятского Прибайкалья. Поцарапанные борта с облупившейся краской и пятнами ржавчины, треснувшая фара,

вмятина на бампере... Что ж, трудно ожидать, что на разъезженной лесной дороге бурятской глубинки вдруг обнаружится шестисотый «Мерседес».

Водитель «уазика» тоже заглушил мотор, над таежным проселком теперь были слышны лишь голоса потревоженных соек и кедровок. Легкий ветерок относил в сторону облачко сизых выхлопных газов. Солнечные лучи, косо бившие сквозь кроны чуть отстоящих от проселка молодых кедров, рисовали на сероватом, подплывшем талой водой снегу две четкие черные тени от машин.

Передние дверки «уазика» распахнулись.

Удивительно, но содержимое «уаза» разительно не соответствовало его обшарпанному внешнему виду. Все заднее сиденье машины было заставлено радиоаппаратурой, причем настолько современной, совершенной и «навороченной», что у любого профессионального радиста слюнки бы потекли от зависти. Мало того, не догадался бы иной радист о назначении некоторых «оригинальных» приборов из этого комплекта. А уж суммарная стоимость такого набора прецизионного радиоэлектронного оборудования наверняка тянула на пяток новеньких «уазов».

На переднем сиденье, рядом с водителем, сидел неброско, но добротнo одетый мужчина. Был он очень толст, сиденье просело под ним почти до самого пола. Однако то была та особая полнота, которая позволяет предположить в толстяке изрядную физическую силу, а не трясущийся кусок жирного

желе. Чем-то он напоминал японского борца-сумоиста. И не только своей мощной фигурой, но и желтоватым цветом лица, линией губ, разрезом раскосых глаз, столь характерным для жителей юго-востока Азии.

Но внимательный, опытный взгляд сразу задержался бы на нескольких малозаметных мелочах – вроде формы черепа или лицевого угла, – которые неопровержимо свидетельствовали: этот человек не из Страны восходящего солнца. Он – стопроцентный китаец, из местных, осевших в Прибайкалье хуатяо, как они сами называют себя. Как всегда бывает у представителей этого народа – если они не юноши или глубокие старики – возраст китайца было сложно определить. Может быть, тридцать пять. А может быть, все шестьдесят.

Водитель «уазика» тоже был несомненным китайцем, но его вид разительно отличался от внешности толстяка на соседнем сиденье. Высокий, худой как щепка и такой же сухой. Его желтоватая кожа плотно обтягивала костистый череп с резко выпирающими скулами.

Водитель повернулся к сидящему рядом человеку, умудрился вежливо полупоклониться ему, не вставая из-за руля, и обратился к нему с вопросом. Причем в тоне голоса, в интонации спрашивающего чувствовалось не просто обычное для китайца уважение младшего к старшему, а что-то неизмеримо большее. Даже, пожалуй, оттенок подобострастия.

– Мне уже пора начинать работу, уважаемый Чжоу Фан Линь?

– Да. Начинай немедленно, Чен, – отрывисто ответил ему толстяк.

Обе эти фразы прозвучали на хорошем русском языке, практически без акцента, разве что гласные звучали чуть смягченно, йотированно, как принято в китайском.

В этом использовании двумя китайцами чужого языка не было ничего странного. Китай – страна огромная, и по территории, и по населению. К тому же этнически совсем не такая однородная, как кажется европейцам.

Поэтому не приходится удивляться, что жители столь разных, далеко отстоящих друг от друга районов Поднебесной, как, скажем, Формоза и Внутренняя Монголия или провинция Юньнань и дельта реки Синцзян – «Жемчужной» с примыкающим Южным Приморьем, говорят на очень значительно отличающихся диалектах. Им порой просто трудно понять речь жителя другого региона страны. Как, допустим, французу нелегко понять португальца, хоть языки их очень схожи.

К тому же хуатяо, по разным причинам осевшие на территории бурятского Прибайкалья, постоянно вынуждены общаться с представителями самых разных наций и народов, населяющих этот уголок России. Буряты, хакасы, тунгусы, уйгуры, вездесущие, заполонившие всю Сибирь корейцы... всех не перечесать! И, конечно, прежде всего – русские.

Естественно, что в таких условиях необходим язык межнационального общения! Не так уж трудно догадаться, ка-

ким он будет. А затем у хуатяо появляется привычка пользоваться русским и в разговоре со своими соотечественниками, как, допустим, индусы Пенджаба и Восточной Бенгалии до сей поры говорят между собой на английском.

Вот такое простое объяснение.

Чен Шень, худощавый водитель «уаза», получив от своего шефа распоряжение начинать работу, пересел на заднее сиденье машины, поближе к аппаратуре. Он примостил на своем костистом черепе наушники, а затем начал сосредоточенно крутить верньеры настройки. На двух хитрого вида ящичках замигали разноцветные лампочки, засветились подсвеченные шкалы частотных диапазонов.

– Что слышишь, Чен? – обратился к нему через непродолжительное время Чжоу Фан Линь. – Ты их поймал?

– Да, уважаемый Чжоу Фан Линь. – Даже погруженный в нелегкую работу шофер называл сидящего впереди толстого китайца полным именем. Это о многом говорило!

– Они, экипаж вертолета, ведут радиообмен с руководителем полетов. Тот находится на КДП. Частотные и амплитудные характеристики их полосы я снял. Какие будут дальнейшие распоряжения, уважаемый Чжоу Фан Линь?

– Продолжай фиксировать радиообмен КДП с бортом. Координаты записывай.

Через несколько минут тишину, нарушаемую лишь тихим попискиванием радиоаппаратуры, нарушил резкий сигнал спутникового телефона. Чжоу Фан Линь достал аппарат

из внутреннего кармана куртки, щелкнул тумблером:

– Слушаю. Да, это я уже понял, мы ведем радиоперехват. Вот как? Что ж, замечательно. Ты не могла бы с ходу уточнить... – Китаец на некоторое время замолк, внимательно вслушиваясь в голос, доносящийся из трубки спутникового радиотелефона. Его и без того узкие глаза прищурились, превратились в едва заметные, словно бы заплывшие жиром щелочки. На чисто выбритых щеках проступили пятна румянца. Он словно бы помолодел на десяток лет.

– Отлично сработано. Ты очень помогла. Я заканчиваю связь, до встречи! – В голосе Чжоу Фан Линя слышались нотки сдерживаемого злорадного торжества.

Толстяк повернул голову в сторону стоящего рядом «Урала», и, словно повинуюсь неслышному телепатическому приказу, от громадного грузовика к «уазику» быстро подошел еще один китаец. Он низко поклонился, приветствуя шефа, затем поднял свои блестящие черные глаза и спросил, словно бы дублируя Чен Шеня:

– Какие будут дальнейшие распоряжения, уважаемый Чжоу Фан Линь?

– Карту мне, – коротко приказал тот. – Поселок Усть-Баргузин и его окрестности, к юго-западу вдоль побережья. Шевелись быстрее, Ти Сен Цзинь!

Через пару минут требуемый лист карты был разложен на шоферском сиденье «уазика». Эта была точная, хоть несколько более бледная копия того листа, над которым кол-

довал с курсографом майор Шукин. Слегка покрхтывая от прилива крови к голове, Чжоу Фан Линь склонился над картой.

Манипуляции, которые проделал китаец, также один к одному повторили действия майора. Очевидно, опыт в подобных делах у него был немалый: прокладка маршрута «Ми-26» отняла не более трех минут.

– Ти Сен, – обратился он к принесшему ему карту китайцу средних лет, – посмотри сюда повнимательнее.

Теперь и вторая голова, принадлежащая Ти Сен Цзину, по-видимому, доверенному лицу, кому-то вроде «адьютанта» Чжоу Фан Линя, склонилась над картой.

Крепко сжав в пухлой руке трубочку фломастера, толстяк поставил неподалеку от поселка Усть-Баргузин жирный крест. Затем перевел взгляд хищно, до крохотных щелочек прищурившихся раскосых глаз на лицо Ти Сена:

– Здесь встречается. Где я отметил. Теперь пора включать глушилку. Помоги Чен Шеню!

«Адьютант», коротко кивнув, присоединился к водителю «уазика», возящемуся с аппаратурой на заднем сиденье машины. Защелкали тумблеры и переключатели сразу трех устройств; с первого взгляда было ясно, что за дело взялись люди опытные.

– На всякий случай плотно прикройте диапазоны запасных и аварийных частот, – раздалось с переднего сиденья. – Заткните им глотку наглухо, чтобы никакого писка!

Мощные волновые пакеты сгенерированных по типу классического «белого шума» помех рванулись в небо Бурятии, надежно «закрывая» отдельные, хорошо известные глушильщикам, полосы УКВ-диапазона. На этих частотах эфир словно бы взбесился.

При соответствующей, – очень немалой, – мощности генератор «белого шума» – вещь страшная. Пройти созданную им радиозавесу практически невозможно.

Еще через несколько минут с переднего сиденья прозвучало:

– Давай выйдем на свежий воздух, Ти Сен. Дальше Чен справится один.

Они остановились ровно посередине между «Уралом» и «уазиком».

– Ты хорошо рассмотрел карту? – В голосе старшего китайца, а в том, что к нему относятся как к шефу, не осталось никаких сомнений, звучало явственное возбуждение. Что-то сродни охотничьему азарту.

– Хорошо, Чжоу-кун, – Ти Сен Цзин согнулся в почтительном полупоклоне. – Я был внимателен, как вы приказали, Чжоу-кун!

Такой ответ, особенно обращение, заканчивающееся на «кун», несомненно понравилось толстяку. На его щеках вновь, как при разговоре по спутниковому телефону, заиграл румянец. Он довольно улыбнулся.

Флексию «кун» лишь приблизительно можно перевести

на русский язык как «господин». Она выражает безграничное доверие и уважение тому, к кому обращаются, абсолютную готовность повиноваться. Наверное, ближе наше слово «повелитель». Такое обращение одного китайца к другому много чего скажет понимающему человеку.

Да, не рядовым, не простым хуатяо был похожий на борца-сумоиста Чжоу Фан Линь!

Он остро взглянул в лицо своего «адъютанта». В глазах толстяка читалась многолетняя привычка распоряжаться людскими судьбами, холодная, уверенная властность.

– У заброшенного рыбоконсервного завода... – он резко оборвал фразу. – И еще вот что: срочно организуй переброску аппаратуры на грузовик. Ты сам справишься с ней не хуже Чен Шеня. Все равно надобность в ее работе... – он растянул полные губы в какой-то мертвенной улыбке, – скоро... отпадет. А мне в «уазе» она не нужна. Мало ли на кого можно нарваться. Но! Организуй перегрузку так, чтобы глушение не прерывалось больше чем на минуту. За это время им не наладить связь.

Ти Сен Цзин вновь почтительно склонился перед своим боссом.

А уже через несколько минут тишину разорвал рев могучего двигателя «Урала» и фырчанье мотора «уазика». Машины развернулись – на этот раз кабинами в противоположные стороны – и разъехались.

Таежный ветерок вновь быстро справился с выхлопной га-

рю, и все же казалось, что в лесном весеннем воздухе так и остался легкий, чуть заметный неприятный запахок чего-то...

Запахок провокации!

Глава 4

«Ми-26» шел вдоль берега Байкала на небольшой высоте, не более пятидесяти метров. Подниматься выше не имело смысла, кроме того, тот самый баргузин, северо-восточный ветер, набирал силу, а одной из его особенностей является то, что в это время года на высотах от ста до тысячи метров он несет большие массы переувлажненного воздуха. Над Байкалом температура всегда немного ниже, чем над сушей, примыкающей к озеру, – вода, а тем более лед, припорошенный снежком, отражают практически все излучение солнца. Воздух над озером прогревается хуже, чем над его берегами. Влага, которую несет ветер, конденсируется, выпадает моросью, мокрым снегом или даже дождем.

Вот и сейчас уже в ста метрах выше вертолета колыхалась мглисто-мутная туманная пелена; солнечные лучи не могли пробиться сквозь эту влажную завесу. Казалось, наступили очень ранние сумерки.

Сергею, командиру экипажа, пилоту вертолета, такая метеобстановка решительно не нравилась. Поэтому он прижимался ближе к земле и уходил чуть в глубь побережья: лететь над Байкалом при усиливающемся весеннем баргузине было весьма опасно. Успокаивало то, что, по его подсчетам, до пункта прибытия оставалось не более двадцати минут полетного времени.

Зато беспокоило другое: непонятные нелады со связью.

Пожалуй, не столько даже беспокоило, сколько неприятно удивляло. Раздражало своей неправильностью. Радист летал в их экипаже давно, считался отличным специалистом своего дела, умел поддерживать нормальную связь даже при прохождении летних грозových фронтов... А вот поди ж ты!

Сейчас радист только тихо матерился сквозь зубы, пощелкивая тумблерами переключения диапазонов и перебрасывая штекеры из одного гнезда в другое.

Связь оборвалась уже более десяти минут назад, как раз посередине очередного рапорта на контрольно-диспетчерский пункт, – они только начали передавать курсовую информацию... И вдруг – как отрезало! Все это время озадаченный, обозленный радист трудился в поте лица, но все его усилия оказались безрезультатны, что, наконец, достало его до самых печенок. Отрывистым, злобным движением радист сорвал с головы наушники, швырнул их на пол кабины, вновь загнув такое выражение на русском матерном, что в эфир передавать никак не рекомендуется. Затем повернул голову к товарищам по экипажу и сказал как-то виновато:

– Ничего не понимаю! Все полосы частот забиты намертво. Основная, резервная, аварийная... Если бы мы летели над территорией противника, то я бы голову на отсечение дал, что нам глушат и прием, и передачу! Причем очень грамотно глушат, профессионально. Но мы, мать его через семь гробов с перехлестом, над Россией! Что, барбос меня заешь,

война началась, а нас предупредить забыли?!

Молодой, смешливый и «зеленый», как парниковый огурец, бортмеханик Леша, совершенно не осознающий, по своей щенковости, всей пакостной нестандартности происходящего, весело заржал:

– А может, летающая тарелка с инопланетянами? Монстры жукоглазые, уж-жасные, ха-ха-ха! С Марса прилетели, нам связь испортили. Умора!

На него было дружно цыкнули, но тут стало не до Леша.

Потому что тело вертолета неожиданно заколотилось в лихорадочной, но на удивление ритмичной дрожи. Сзади, от хвоста машины, послышались врывающиеся в гул двигателя чужеродные звуки. Звуки рвущегося металла.

– Что это, командир?! – Выпучивший глаза бортмеханик ничего не понимал.

Радист тоже растерялся, взгляд его вильнул в сторону хвоста «Ми-26», затем вниз, на проплывающую внизу полосу берега, снова в хвост... И вопрошающе остановился на вмиг осунувшемся, побледневшем лице пилота.

Только двое из экипажа – пилот и штурман Петрович – сподобились побывать под зенитным огнем. Оба – совсем еще молодыми, вроде сосунка Леша, оба – в небесах «независимой Ичкерии».

Поэтому «что это» они опознали сразу. Такое ни с чем не перепутаешь. Но не поверили сами себе. Потому что такого просто не могло быть: по ним с земли били из крупнокали-

берного пулемета!

Однако было. Машина вновь ритмично задрожала, скрежещущий звук прошивающих хвост вертолета пуль царапнул уши.

Командир и штурман одновременно, до боли в глазах, уставились вниз, на остающиеся чуть справа руины цехов рыбконсервного завода. Сомнений не оставалось: крупная машина, с небольшой высоты даже видно, что это «Урал». А рядом с «Уралом», в кунге – прикрывающий его брезентовый верх содран – ярко-оранжевые парные вспышки.

«Это крупнокалиберная зенитная спарка типа английско-го „Эрликона“, – как-то отстраненно, спокойно подумал пилот, точно важнее всего сейчас были тактико-технические данные разнесившего в клочья его вертолет оружия. – Заряжается унитарами. Семидесятый калибр. Пуля – чуть меньше двух сантиметров в диаметре. Ох, нам хватит! Бьют короткими очередями. До нас не больше полусотни метров по вертикали, не промахнешься. Нам конец. Одна пуля в баки или в мотор – и конец. Срочно уходить влево, надо льдом не достанут. К Байкалу, с набором высоты».

Секунды для него стали растягиваться, и с каждой секундой окружающее словно бы погружалось в туманную пелену, мутновато мерцающую дымку, все больше теряло четкость. Становилось нереальным.

Больше всего, до закипающих в глазах злых слез, пилот жалел сейчас, что военно-транспортные вертолеты не несут

бортового оружия. Ах, если бы в его руках в эти проклятые минуты оказался не беззащитный «Ми-26», а вертушка огневой поддержки! Один, один-единственный залп из «дудок» правого борта – и от тех сволочей, кем бы они ни были, даже мокрого места не осталось бы!

«А ну, отставить истерику! – приказал он себе. – Надо спастись. Ребят спасать. С неизвестными тварюгами потом разберемся. Если живы будем. Мог же я в Чечне... К Байкалу, налево и вверх! Резко вверх, там не достанут! Ну, выручай, коняшка!»

Может, выручила бы... Даже почти наверняка – план пилота был хорош. Но следующая очередь оказалась роковой. Она угодила точнехонько по вертикальному винту на хвосте «Ми-26», погнув, буквально заплета в узел лопасти. Именно благодаря этому винту вертолет гасит реактивную силу от основного, несущего винта и не вращается сам.

Хвост вертолета уже был измочален, превращен в лохмотья, и теперь, потеряв центровку, с остановившимся задним винтом, машина закрутилась вокруг вертикальной оси, как карусель. От разбитого хвоста в кабину вертолета начали накатывать пока еще не очень густые волны удушливого, едкого дыма.

«Горим! Мы горим! Сейчас взорвемся! Мамочка, родная моя, я не хочу умирать!! – отчаянно, хотя беззвучно, закричал молоденький бортмеханик, но тут же одернул себя: – Не паникуй, дурак! Ну! Прекрати немедленно! Это не топливо,

иначе уже в раю отдыхали бы. Это, наверное, хвостовой маслопровод перебило. И коротнуло там же. От искры масло загорелось. Это еще не конец, взрыва не будет. Серега – командир опытный, в Чечне воевал, он вытащит нас из любой задницы! Но как же дышать-то трудно...»

Штурман дернул пилота за плечо, ткнул рукой влево и вниз:

– Садись, Сережа! Вверх нам без хвостового «волчка» не уйти! Садись, это единственный шанс, иначе задохнемся или перевернемся к долбаной маме!

Пилот согласно кивнул. Ничего другого действительно не оставалось. Но сажать тяжелую транспортную машину на такой ненадежный весенний лед...

Глава 5

Первая декада месяца выдалась аномально теплой, такого даже старожилы припомнить не могли: столбик термометра даже ночью не опускался ниже нуля. Слабым стал лед, совсем слабым! Особенно в такой близости от берега.

Но до спасительного берега ему вертолет никак не дотянуть: вот-вот машина крутанется уже вокруг горизонтальной оси. Тогда они перевернутся брюхом кверху и камнем рухнут вниз!

– Держитесь! Ремни проверьте, м-мать вашу! – бешено заорал он, перекрывая надсадный визг двигателя, работающего в критическом режиме. – Держитесь крепче, сажусь!

Он оказался действительно отличным пилотом: лишь последние пять метров до льда машина уже не садилась, а падала, но даже в этом коротком падении все-таки не перевернулась. Однако удар был очень силен, всех четверых отчаянно мотануло в креслах, но спасли загодя пристегнутые ремни: все они остались целы.

Чего нельзя было сказать про лед, на который всем весом, помноженным на скорость падения, рухнула тяжелая машина. Под упавшим «Ми-26» зазмеились черные трещины, быстро заполняющиеся байкальской водичкой. Вертолет пока чудом держался на раскуроченном льду, он не проваливался, но никто не смог бы сказать, сколько еще продлится

это состояние неустойчивого равновесия.

Все они понимали – машину с грузом не спасти, самим бы удрать от костлявой! Едва отстегнувшись и заглушив двигатель, захватив только бортжурнал и аварийную рацию, члены экипажа попрыгали на потрескивающий лед. Надо было срочно уходить с этого опасного места, двигаться к спасительному берегу, благо до него было недалеко, каких-нибудь триста-четырееста метров. А там уходить в прибрежную тайгу.

Не дали им уйти. Те, кто сбил «Ми-26», явно не горели желанием оставлять свидетелей. Вертолетчики десятка метров не успели пробежать, а вокруг уже засвистели пули. С берега, от развалин рыбоконсервного завода, по ним из нескольких стволов били автоматными очередями.

Молодой бортмеханик Алексей, вырвавшийся чуть вперед, погиб первым. Строчка пуль по диагонали прошла его грудь, он рухнул навзничь, захрипел, выгнулся немыслимой дугой и затих. Трое остальных членов экипажа злосчастного вертолета залегли: бежать в рост под плотным автоматным огнем было бы самоубийственным безумием.

Но это лишь оттягивало неизбежную развязку. Где укроешься на гладком, словно бильярдный стол, льду озера?! Ни деревца, ни кустика, ни паршивой кочки на крайний случай. Их фигуры, отчетливо темнея на припорошенном снегом льду, представляли собой отличные, практически идеальные мишени. С трехсот пятидесяти метров да при такой

огневой мощи перещелкать их, как куропаток, было делом нескольких минут.

Но нападающие не хотели ждать даже эти жалкие минуты: от берега, от развалин рыбоконсервного завода, к ним уже бежали несколько человек, продолжая на бегу поливать их свинцовыми струями, не давая даже голову поднять. Пули с визгом рикошетировали от поверхности льда, впивались в дымящую все сильнее тушу подбитого вертолета, который каким-то чудом все еще не провалился.

Принять бой? А с чем его принимать?! На троих у них было два табельных пистолета Макарова, у командира и штурмана. Но что такое «макарка» против полудюжины «трещоток»? Одного-то «калаша» за глаза бы хватило! «ПМ» в подобной ситуации на одно годен: застрелиться.

Стреляться им не потребовалось.

Одна из автоматных пуль вдребезги разнесла аварийную рацию, другая – угодила в голову радиста. Господь оказался милостив к нему – радист умер мгновенно.

Подбегавшие люди были уже совсем близко, метрах в тридцати, когда командир экипажа, приподнявшись на левом локте, открыл огонь из пистолета. Одна из выпущенных им тупорылых макаровских пулек нашла свою цель! Человек с автоматом наперевес, бегущий впереди всех, подломился в коленях, упал на лед и заколотился в предсмертных судорогах.

«Хоть одну сволочь...» – успел с обжигающей острой ра-

достью подумать пилот, но это стало последней его мыслью на земле. Сразу три автоматные пули пробили бортжурнал, засунутый под летнюю куртку командира экипажа, и вышли из его спины, раздробив позвоночник. Что ж! Не самая плохая смерть выпала на долю пилота: мгновенная, в бою, с оружием в руках.

Штурману Петровичу, последнему оставшемуся в живых члену экипажа «Ми-26», судьба такого прощального подарка не сделала. Он прекрасно понимал: в живых его не оставят. Но не хотел штурман, тоже прошедший Чечню, умирать лежа на брюхе! Он, пошатываясь, встал, выставил вперед «макара», который держал обеими руками, словно шериф свой «кольт» в американском вестерне.

«Ну, подбегайте ближе. Ну, сволочи! Глядишь, прихватчу с собой на тот свет хоть еще одного из вас, пас-скуды!»

В ту же секунду штурману показалось, что по его правому бедру чуть выше колена ударили раскаленным ломом. Воткнули лом со всего размаха. Нога беспомощно подломилась; пистолет выпал из рук. Тело на мгновение онемело, потеряло всякую чувствительность, а затем внутри у него словно бы вспыхнул нестерпимо обжигающий огонь.

Он опрокинулся назад и вбок, вправо, тяжело упав на простреленную ногу. Но сознания, как ни странно, не потерял, — не дано ему было даже такого предсмертного везения...

Кровь из разорванной бедренной артерии мощными толчками выхлестывала на лед. Снежно-ледовая каша под упав-

шим штурманом мгновенно окрасилась в ярко-алый цвет. При таком обильном кровотечении без перевязки жить Петровичу оставалось не более двух-трех минут.

Инстинктивно, почти бессознательно, он пополз в сторону вертолета. Друзья убиты... Последнее родное, что осталось. Их верная машина, тяжело раненная, как он сам.

Точнее, попытался ползти. Боли он уже не чувствовал. Умирал.

Его даже не стали добивать. Около полудюжины человек просто пробежали мимо умирающего штурмана, направляясь к подбитому «Ми-26». Гаснущими, теряющими резкость взгляда глазами он все же успел увидеть лица этих людей. И в последний раз в жизни удивиться.

«Это же китайцы! Мне что, мерещится перед смертью?! Нет, точно китайцы! Их с бурятами не перепу...» – но тут сознание, а вместе с ним и жизнь покинули тело штурмана.

Опытный, наблюдательный, нагладевший на представителей самых разных народов, штурман не ошибся. Да, это действительно были китайцы.

Вооруженные люди, не обращая более внимания на мертвый экипаж, карабкались в чадящий вертолет, а с берега, от развалин, натужно ревя мотором и пробуксовывая на скользком льду, приближался к подбитому «Ми-26» «Урал» с кунгом.

Водитель «Урала» оказался последним дураком. Он не учел одного – единственного, но зато решающего момента.

Да, конечно, мартовский байкальский лед, даже после десяти дней небывало теплой для Бурятии весенней погоды, выдержал бы и многотонный вертолет, и подъехавший к нему почти вплотную громоздкий грузовик с кунгом. Но... В том только случае, если бы «Ми-26» сел, – именно сел, а не рухнул, пусть всего лишь с пятиметровой высоты! Вот тогда бы... Может быть, и обошлось. Теперь же ледяное поле, примыкавшее к берегу, оказалось надколото таранным ударом. Тонкая, совсем на первый взгляд не представляющая опасности трещина ломаным зигзагом отрезала «Ми-26», «Урал» с кунгом, живых и мертвых людей от берега. А затем колоссальное ледовое поле чуть накренилось вниз, просело с одного, дальнего от берега края.

Искалеченный вертолет с веселым бульканьем первым ушел в разверзшуюся бездну. Шофер «Урала» сделал отчаянную попытку спастись: он даже успел развернуть машину капотом к берегу.

Но больше китаец, сидевший за рулем, не успел ничего. Угол наклона льдины был слишком велик, а сила сцепления колес «Урала» со скользкой поверхностью – слишком мала. Завораживающе плавно, словно в замедленной съемке, грузовик, а за ним и кунг скользнули под лед. Громадные белые пузыри забурлили в длинной узкой полынье, словно стывшая байкальская вода вдруг закипела.

И столь же медленно, как будто нехотя, ледяное поле, по площади превышающее футбольное, перевернулось, страхи-

вая в черные глубины и трупы, и вопящих от ужаса людей с «Урала», и стреляные автоматные гильзы... Брезгливо стряхивая весь этот мусор, такой ничтожный перед вечным молчаливым величием могучего озера.

С момента первого выстрела по вертолету не прошло и десятка минут, как над ледяным панцирем, потревоженным жалкими людишками, нависла тяжелая, давящая тишина. Все было кончено, занавес опущен.

И в этой тишине, кажущейся оглушительной после грохота автоматных очередей, рева мотора «Урала», безумных криков тонущих в ледяной воде китайцев, послышалось тихое, едва заметное уху мягкое шуршание. Это все более частые, все более крупные влажные снежинки, тая на лету, слипаясь, становясь все крупнее, падали с высоты на место трагедии, надежно укрывая, маскируя его.

Если бы все случившееся произошло на льду реки, то течение снесло бы колотый лед, оставило бы дымящиеся парком промоины, разводья. Но у берегов Байкала нет сильных течений, тем более ранней весной. Битый лед попросту всплыл, крупные льдины сомкнулись над озерной водой и тем, что было отныне похоронено на дне.

И всего через полчаса даже самый внимательный взгляд не отличил бы место гибели «Ми-26» от любого другого прибрежного участка этого района. Ни масляных пятен, ни стреляных гильз, ни пятен крови... Ни-че-го!

Вот уж, воистину, концы в воду!

Глава 6

Дело шло уже сильно к вечеру, когда в район предполагаемой аварии прибыла армейская поисково-спасательная группа. Хотя, конечно, такого громкого названия десяток человек на двух битых-перебитых «уазах» не заслуживали. Ближе всего к этому злосчастному месту оказалась дислоцированная около поселка Усть-Баргузин войсковая часть, официальной задачей которой было обслуживание РЛС. Той самой РЛС, чья ажурная антенна украшала сопку, мимо которой совсем недавно пролетал таинственно исчезнувший «Ми-26».

Поэтому поисковую группу составляли солдаты-срочники этой военной части да один командующий ими офицер – старший лейтенант, угрюмо, нахохленно восседавший на переднем сиденье первого «уаза».

Никакими поисками он, тридцатилетний связист и радиолокаторщик, помпотех РЛС отродясь не занимался, как их вести – не имел ни малейшего представления. Точно так же, как и приданные под его начало «орлы боевые»: шесть салабонов, старший сержант, находившийся во второй машине, и два водителя.

Поиски старлей считал затеей дикой, изначально обреченной на провал и сейчас злился, – вместо того чтобы тихо-мирно поддать казенного спиртика под вяленого байкаль-

ского омуля с рассыпчатой вареной картошечкой... Да в приятной компании зама командира РЛС по матчасти, тоже старшего лейтенанта... Так нет же! Приходится мотаться по вечерним таежным проселкам, как ошалевшая дворняга с привязанной к хвосту консервной банкой! Где искать? Что, наконец, искать? Следы аварии военно-транспортного вертолета? А была она, авария?

Старший лейтенант зло сплюнул прямо на пол кабины, себе под ноги. Достал мятую пачку «Явы», закурил. Краем глаза перехватил жадный взгляд водителя, молоденького солдата в донельзя грязной, заляпанной машинным маслом шинельке, на пачку сигарет. Вздохнул. Протянул пачку водителю, а затем и на заднее сиденье машины, где жались друг к другу еще три «чудо-богатыря» прошлогоднего призыва. Он вообще-то добрым был мужиком, этот старлей, хоть и законченным пьяницей. Жалел солдатиков.

Ну, положим, в том, что авария была, сомнений не оставалось. Сами радиолокационщики не видели момента падения вертолета, слишком на малой высоте шел «Ми-26». Они лишь обратили внимание, зафиксировали, что тот проследовал над расположением их части, над теми самыми раздолбанными бараками, так поразившими бортмеханика Лешу более часа назад. Шел низко, над самым берегом, курсом на Читу. С юго-западного направления, кроме того, был немного погодя отдаленно слышен какой-то малопонятный шум. Но ни у солдат этой забытой богом военной части, ни у офи-

церов, которых насчитывалось аж шестеро, боевого опыта не было.

Перестрелку, тем более зенитный огонь крупнокалиберной спарки вояки на таком расстоянии распознать не сумели. Что еще? Ну, вроде поднималось там же, на юго-западе, облачко дыма. А может, и не поднималось. Может, примерещилось по такой погоде.

За этот час доклад руководителя полетов, майора Щукина, о потере связи с экипажем «Ми-26», пройдя по армейским инстанциям, дошел до штаба. Большого переполоха он не вызвал, дежурный по штабу флегматично занес донесение в журнал и доложил о нем наверх, по команде. Об аварии пока не думали. Обычное, не столь уж редкое летное происшествие. Подумаешь, связь скиковала! «Прилетят в Читу – починят!» – как выразилась на КДП генеральша Берсентьева.

Но Щукин был настойчив. Он уже не на шутку волновался о судьбе «Ми-26» и, будучи не в силах связаться с экипажем, связался с предполагаемым пунктом прибытия транспортника.

Быстро выяснилось, что никакой вертолет туда не прилетал. Через пятнадцать минут стало совершенно ясно, что уже и не прилетит: ресурс горючего был выработан. Щукин с КДП вновь, уже не по команде, а в обход промежуточных инстанций, через голову своего непосредственного начальства, доложил о происшедшем в штаб округа.

Стало ясно: случилось что-то весьма поганое. Был вертолет – и нету его, как корова языком слизнула. Тут дело пахло уже не простыми неладками со связью. Но чем же? Никто ничего не понимал.

Вынужденная посадка? Вполне вероятно. Но почему они все еще молчат? Ведь помехи непонятного происхождения пропали около часа назад, так что же мешает экипажу выйти на связь, хотя бы на аварийной волне? Мало того, даже если допустить непоправимое – вертолет разбился, заходя на вынужденную, а все члены экипажа мертвы или без сознания, то все равно у «Ми-26» есть аварийный радиомаячок, уничтожить который практически невозможно. У него автономное питание, не зависящее от бортовой электросети, он автоматически включается именно в таких вот нештатных ситуациях. Его сигналы не несут никакой информации, но позволяют запеленговать вертолет, даже если машина почти полностью разрушена. Правда, радиус уверенного приема аварийных радиоимпульсов маячка невелик – не превышает пятнадцати километров.

И тут в какую-то умную начальственную голову – встречаются ведь изредка такие! – пришла мысль о том, что последний удачный сеанс связи с пропавшим «Ми-26» состоялся вскоре после прохождения вертолетом Усть-Баргузина. И, соответственно, близко к нему расположенной РЛС. Кому же попытаться нащупать сигналы маячка, как не тамошним специалистам – локационщикам? Им дали соответствующий

приказ.

Они попытались. Но за полчаса ничего не обнаружили, ни ползвуха!

Объяснение всему этому напрашивалось только одно, причем крайне печальное. Вертолет с экипажем, по всей вероятности, совершил вынужденную посадку на байкальский лед. Причина вынужденной посадки оставалась загадочной, но не в ней была суть: мало ли что в воздухе может случиться! Отказал двигатель, возник пожар на борту, несущий винт угодил по летящей птице и погнулся, такие случаи бывали... Да еще десяток возможных причин! Зато дальнейшее просматривалось до боли ясно: проломили лед и булькнули в Байкал. Вместе с аварийной рацией и маячком.

Значит, если кто из экипажа остался жив, то он – или они – плетется сейчас пешком в подступающих сумерках, пытается выйти к людям. Возможно, нуждается в экстренной медицинской помощи.

Тут на сцену выступила та самая карта, над которой колдовал майор Щукин, а точнее – небольшой овалчик, обведенный тупым концом майорского карандаша.

Было предельно ясно, что и место предполагаемой вынужденной посадки, и оставшиеся в живых, на что очень хотелось надеяться, члены экипажа находятся там, внутри овалчика.

Но это он на карте такой маленький. А на местности занимает площадь не менее двадцати пяти квадратных кило-

метров.

Темнеет в начале марта рано, да к тому же погода пасмурная, так что иголку в пресловутом стоге сена не в пример проще найти. Но искать-то надо... За пропажу военнотранспортного «Ми-26» по головке отнюдь не поглядят, тут могут у некоторых звездочки с погон посыпаться. По крайней мере, обозначить свою активность необходимо, чтобы потом с честным видом, глядя в глаза начальству, сказать: «Поиски пропавшего вертолета были организованы немедленно!»

А где взять личный состав для этих поисков? Не из Иркутска же гнать народ, не из Читы. Но вот она, РЛС и военная часть при ней, рядышком! Пусть-ка они, голубчики, и поищут: во-первых, место падения вертолета, во-вторых, оставшихся в живых вертолетчиков. На тех самых немеренных квадратных километрах прибрежной тайги и байкальского льда. Народу в части кот наплакал? Ну, уж чем богаты... Человек десять командир части как-нибудь по сусекам наскребет. Тем более что по-хорошему для выполнения подобной задачи нужно не меньше роты, а хорошо бы – двух. Так что десять там человек или тридцать – роли никакой не играет. Но пусть ищут, для отчета это самое то, что нужно. Найдут – отлично, а нет, так на нет, как известно, и суда нет! Хотя никто всерьез не верил, что найдут.

Все это старшему лейтенанту, помпотеху РЛС, возглавлявшему «поиски», было ясно как божий день. Не первый

год он армейскую лямку тянул, научился разбираться в таких вот хитростях начальства. А ему с солдатами отдувайся, прикрывай чью-то задницу!

Именно поэтому он пребывал в самом отвратном настроении.

Передний «УАЗ», в котором сидел старлей, уже обогнул расположенные у самого берега развалины рыбоконсервного завода и устремился по расхлюпанной лесной дороге дальше, забирая вправо, когда впереди, в сгустившихся мартовских сумерках замерцала тусклой звездочкой фара встречной машины. Почему-то одна.

Когда встречная машина, такой же «уазик», только еще более потрепанный, чем армейские, остановился, стало ясно, почему. Вторая была разбита.

Старший лейтенант подошел к машине, заглянул в распахнувшуюся дверцу. Толстого китайца, сидящего рядом с водителем, лейтенант узнал: несколько раз встречал его в Усть-Баргузине.

– Куда? Откуда? – не слишком приветливо спросил он.

На лице китайца возникла широкая, чуть подобострастная улыбка, хотя глаза оставались холодными, как байкальская вода:

– Господин офицер, я из Усть-Баргузина возвращаюсь. Хотел о поставках овощей договориться с местными властями. И с военными, с вашим начальством, тоже. Жить-то надо на что-то! Мы мирные огородники, строители... Мы, хуа-

тя, всегда с русскими военными в дружбе! Вот я вас помню, господин офицер, вы на РЛС служите, что около поселка. Я вам в прошлом году капусту привозил. И лук. Узнаете меня?

Старший лейтенант рассеянно кивнул. Ничего сколь-нибудь подозрительного он в китайском «уазике» не обнаружил: двое человек, заднее сиденье пустое... Да, собственно, и не рассчитывал он обнаружить ничего подозрительного. Действительно – мирные огородники...

– Ты по дороге ничего такого, странного, не видел? Пожар какой или, может, людей встречал? – спросил старлей для очистки совести, не особо надеясь на положительный ответ. Если бы встретились китайцу ребята с пропавшего вертолета, так сидели бы они сейчас в его машине.

– Нет, ничего и никого не видел, – ответил тот. – А что случилось?

В голосе толстого китайца слышалась характерная азиатская любезность.

– Да случилось вот, – с досадой сказал старлей. – Вертолет у нас пропал. Прямо как сквозь землю провалился. Четверо парней... Я вот ищу, только разве найдешь? Значит, ничего?

– Ах, какое страшное несчастье, – китаец сокрушенно всплеснул руками. – Нет, господин офицер! Совсем ничего! Но если нужна моя помощь в поисках, то я со своей машиной в вашем распоряжении! Мы дружим с русскими военными...

– Э-э, какая тут, к болотным кикиморам, помощь, – без-

надежно махнул рукой старший лейтенант. – Сам не потеряйся, тем более машина у тебя того гляди развалится. Глядишь, еще и тебя потом искать заставят. Ладно, освобождай дорогу. Пропустишь нас и езжай своим путем. А увидишь чего... связаться с РЛС сможешь?

– Конечно, конечно, – угодливо закланялся китаец, не переставая удерживать на плоском, как блин, лице со щелочками глаз улыбку. – Вот, радиотелефон есть у меня. Если встречу, если увижу... Сразу же свяжусь!

Как только военные «уазики» отъехали, выражение лица толстого китайца резко изменилось. Куда только делась приклеенная улыбочка! Теперь Чжоу Фан Линь выглядел угрюмым и озабоченным.

– Карту мне, – коротко приказал он шоферу. – И фонариком посвети.

Склонившись над картой, подсвеченной карманным фонариком Чен Шеня, он обвел участок озера, примыкавший к рыбоконсервному заводу, большой неправильной окружностью. Там же, внутри окружности, оказался жирный крест, поставленный той же рукой совсем недавно...

Он помолчал немного, подумал. А затем сказал, обращаясь скорее к самому себе, чем к Чен Шеню:

– Как глупо получилось... Ясно, что искать придется долго, да и опасно сейчас этим заниматься. Поехали домой.

И добавил крепкое китайское ругательство.

Обшарпанный «УАЗ» с двумя китайцами фыркнул движ-

ком, заскрипел всеми своими частями и покатил дальше, мимо развалин рыбоконсервного заводика. Снова лишь крики соек и кедровок нарушали тишину таежных сумерек, будто вовсе не было здесь никаких людей.

Глава 7

Майор Щукин сидел на кухоньке своей двухкомнатной квартирki в гарнизонном ДОСе и медленно, тяжело напивался. Одна опустевшая бутылка из-под дешевой самопальной водки уже валялась под кухонным столом, из второй, уже початой, он лил мерзко воняющую сивухой жидкость в граненый стакан. Закуски на кухонном столе не просматривалось никакой, хоть бы огурец соленый для вида. Но хмель Щукина не брал, вот уже третий день водку он пил, как воду, лишь под самый конец литра вырубаясь в глухое беспмятство.

Жена и двое его дочек тихо, как мыши, сидели в дальней комнате. Нет, они ничуть не боялись его, просто Щукин не хотел никого видеть. Близких людей – в особенности. Вот и попросил не показываться ему на глаза. Стыдно было майору, очень стыдно.

Бывшему майору. Вчистую уволенному из рядов Вооруженных сил России, и хорошо еще, что не угодившему под суд. Хоть слово «хорошо» тут явно не подходило.

«Лихо закончилась моя беспорочная служба, славный конец получился у несгибаемого защитника Отечества! – с горькой, полынной иронией который раз подумал Щукин. – Какие сволочи, бог мой!.. А я сам?! Многим лучше?»

Он вновь, с обостренной алкоголем, рвущей сердце бес-

сильной обидой, вернулся в мыслях на четыре дня назад. Тогда ранним утром его доставили в военную прокуратуру, откуда он вышел только через сутки: благо офицерское отделение гауптвахты находилось в том же здании. Поганые это были сутки, врагу пережить не пожелаешь!

Он сразу догадался – вчерашнее исчезновение военно-транспортного «Ми-26» будут вешать на него. Он, как руководитель полетов, как последний, кто говорил с экипажем погибшей машины – в том, что погибшей, никаких сомнений не оставалось! – идеально подходит на роль козла отпущения. А без этого несчастного животного в таких случаях не обойтись. Но ему тоже есть что поведать следователю военной прокуратуры, любой комиссии, кому угодно, вплоть до командующего ЗаБВО или министра обороны! Хотя бы о непонятных заморочках со связью. Ведь глушили ребят! А раз глушили, то те, кто это делал, могли пойти и дальше... Не говоря уже о присутствии на КДП генеральской женушки... О ее странном поведении, наконец!

Но молодой представитель армейской юстиции с капитанскими погонами попросту ошарашил майора. Внимательно, не перебивая выслушав его, следователь военной прокуратуры медленно, врасстяжечку сказал, сверля Щукина холодным взглядом:

– Не было ничего этого, майор. Ни-че-го! Глушили прием и передачу, говорите? Детские сказки! Это вам примерещилось. Кому бы такое потребовалось, а? Кто бы для тако-

го дела возможности нашел? Враги? Шпионы? Диверсанты? Вот только на кой дьявол таинственным врагам несчастный грузо-пассажирский транспортник? Чего он такого загадочного вез?

– А об этом вы спросите... – запальчиво начал Щукин.

– Не стану спрашивать. Вам тоже не советую, тем более не будет у вас такой возможности. – В голосе капитана слышались даже нотки брезгливой жалости к сидящему напротив дурачку. – Никаких посторонних на контрольно-диспетчерском пункте тем более не было. Поняли меня, или по слогам повторить?

– А что же тогда было?! Вертолет не краденый «жигуль», его на запчасти для продажи не разберешь. Где «Ми-26»? Где четверо человек экипажа? – Его голос дрожал от возмущения. – Не верите мне? Тогда скажите, что произошло, по-вашему? Что было, черт бы меня побрал?!

– Последствия технической неисправности вертолета, вот что. Плюс ваша преступная халатность. Это прекрасно объясняет случившееся, укладывается, так сказать, в наиболее вероятную версию гибели вертолета вместе с экипажем. Это, а не всякая небывальщина, что вам примерещилась.

«Даже в пользу самой распрекрасной, самой вероятной версии, – угрюмо подумал Щукин, – не стоит насиловать очевидные факты. Это, как и любое насилие, ни к чему хорошему не приводит. Тем более что правдоподобия в том, что с каменной рожей несет этот хлыщ в капитанских по-

гонах – кот наплакал! Примерещилась мне генеральша, значит? Ишь, даже выговорить ее имя мне не дал, оборвал на полуслове. Понятно, боится Берсентьева».

Видимо, мысли эти достаточно ярко отразились на его лице. Потому что капитан заговорил еще более жестко, напористо.

– А знаете, почему примерещилось? Потому, что вы пребывали в состоянии алкогольного опьянения. Ваши сослуживцы подтвердят в случае надобности, что на дежурство вы уходили под хмельком. А вернулись с него похмельным! Кстати, ваши соседи по ДОСу тоже не будут молчать, расскажут о вашем давнем пристрастии к бутылке.

– Это... Это что же?! – У Щукина буквально земля ушла из-под ног, особенно когда он понял – ведь подтвердят... Найдутся силы и средства заставить. – В тюрьму меня засадить хотите?!

– От вас зависит, – с деланным равнодушием заметил следователь. – Как себя поведете. Можно и в тюрьму. Кроме того...

Он некоторое время помолчал, избегая смотреть в глаза майору. Видимо, какие-то жалкие остатки совести под капитанским кителем все же были. Но ничего! Дело мастера боится, а что дело это из разряда поганых, которыми порядочные люди не занимаются, – кого бы волновало... Долго ли с силами собраться, а стыд – не дым, глаза не выест! Что нам остатки совести, когда о карьере речь. Ломать ее, что ли, из-

за этого блаженного?

– Кроме того, вам не кажется, милейший, – медленно произнес капитан, и слова его прозвучали с особой весомостью, словно гвозди, забиваемые по шляпку одним ударом молотка в крышку гроба, – что если ситуация будет развиваться... в нежелательном направлении, то уютная камера гарнизонной гауптвахты будет для вас самой незначительной из возможных неприятностей? Вы человек семейный... О жене подумайте, о девочках...

Его сердце застряло в горле, остановилось, замерло, а затем забухало о ребра с такой силой, что Щукину показалось – оно вот-вот разорвет грудную клетку. Под надбровьями злобной огненной пружинкой – сжимаясь и разжимаясь в рваном ритме – запульсировала боль. Полно, не ослышался ли он?!

Нет, не ослышался. Смысл сказанного был прозрачен, как ледяная байкальская водичка, сомкнувшаяся над злосчастным «Ми-26» и его мертвым экипажем. Майору стало понастоящему страшно. Не за себя.

– Но к чему такие крайности? – продолжал между тем капитан. – Зачем вообще доводить дело до суда? Вполне достаточно, если вам перестанет вспоминаться всякая... небывальщина. Конечно, из армии вам придется уйти. Даже с небольшим таким скандальчиком уйти, начальство должно сорвать гнев на ком-то. Вам, майор, попросту не повезло. Знаете, считается, что счастье – это оказаться в нужное вре-

мя в нужном месте. В вашем случае – с точностью до наоборот. Но ведь у отставных военных жизнь не кончается, мало того, она бывает оч-чень разной...

«Кнут мне продемонстрировали, – потерянно думал Щукин. – Что, пошел разговор о прянике? Пилюлю хотят подсластить? Но там же четверо ребят было, русских офицеров, как и я! Как мне про них-то забыть, как с таким грузом на совести жить дальше?!»

– Не обязательно же в дворники подаваться, – уже совсем иным, благодушным даже тоном продолжал капитан. – Можно, например, открыть частное охранное агентство, как вам такая идея? С лицензией и беспроцентным кредитом на любой срок вам вполне могли бы помочь...

– Уж лучше в дворники, – хриплым, чуть слышным голосом ответил майор Щукин после долгого молчания.

– Кому что нравится, – покладисто согласился его собеседник. – Тоже хорошая работа: никаких стрессов, опять же на вольном воздухе...

Слово «вольном» он как бы жирно подчеркнул голосом.

– Давайте займемся вашими показаниями, майор. Уточним их. А завтра утром вы уже окажетесь в кругу семьи, нечего на вас казенные харчи переводить. – Следователь военной прокуратуры даже позволил себе улыбнуться, хотя глаза его по-прежнему казались двумя промерзшими ледышками. – Итак...

...Щукин грохнул кулаком по кухонному столу, длинно,

витиевато выматерился. Снова набулькал себе треть стакана водки, ахнул залпом. Нет, не брала его выпивка, хоть и трезвым он ни минуты не был с того момента, как «оказался в кругу семьи».

«Так, хорошо, – мысленно обратился он к самому себе. – Что я мог в сложившейся ситуации сделать?»

И честно ответил: «Ничего не мог!»

Ах, храбрость проявить, за честь мундира постоять, гражданским мужеством блеснуть? Да не смешите!

Он только горько усмехнулся, покачал тяжелой от выпивки головой.

Никакое это не мужество! Если на тебя прет локомотив, а ты при этом гордо шагаешь по рельсам во встречном направлении, то название такому поведению только одно: дремучий идиотизм.

Отпрыгнуть нужно, посторониться... Тем более когда речь заходит об опасности даже не для тебя самого, а для семьи. С ним ведь не шутки шутили. Погибшие вертолетчики? А разве их вернешь? Только сам угробишься. Ну не герой он, не Жанна д'Арк, не тянет его на костер. Что, разве он не прав? У кого хватит лицемерия в него камень швырнуть, а?!

Но все же знал бывший майор Щукин в глубине души, что смотреть на свое лицо в зеркале ему отныне станет противно.

...А о странном грузе, который перевозил вертолет, все, казалось, забыли.

Но это только казалось...

Глава 8

По улице города Мурманска шел молодой мужчина в форме морского офицера.

Погода для начала неяркого, робкого заполярного раннего лета была превосходной. День уже клонился к закату. Солнцу наконец-то удалось прогреть воздух и рассеять туман, державшийся с самого утра. Дул легкий северный ветерок, несущий горьковато-соленый запах моря. В небе, цвет которого медленно, плавно менялся от бирюзового к темно-фиолетовому, загорались первые звезды.

Офицер, идущий неторопливой, уверенной походкой человека, который никогда и никуда не опаздывает, свернул к мощному, сталинской еще постройке, зданию штаба Северного флота России. Он с наслаждением втянул в легкие пропахший морской свежестью воздух, улыбнулся каким-то своим мыслям, бросил короткий взгляд на наручные часы. До встречи с вызвавшим его контр-адмиралом Сорокиным оставалось еще четыре минуты. Как раз успеть предъявить документы дежурному, а затем подняться по лестнице на второй этаж, к адмиральскому кабинету.

Адмирал Сорокин пользовался на Северном флоте репутацией фанатика точности, так что лучше явиться пред его очи ни минутой раньше, ни минутой позже назначенного времени!

Офицер зашел в здание штаба.

Проверка его документов была своего рода формальностью: вряд ли нашелся бы флотский, не знавший старшего лейтенанта Сергея Павлова. О нем рассказывали легенды, им гордились, а порой откровенно завидовали.

Скорее всего, именно зависть некоторых старших офицеров к громкой славе Павлова, да еще его несгибаемая принципиальность, неумение и нежелание даже в мелочах угождать начальству привели к тому, что, будучи по должности командиром сверхэлитного подразделения, он оставался лишь старшим лейтенантом.

А подразделение действительно было уникальным: отряд боевых пловцов Северного флота! Личный состав отряда – молодые офицеры и мичманы – обладал высочайшей квалификацией, не раз эти люди выполняли такие боевые задачи, в таких головоломных операциях участвовали, что только оторопь брала. Тех брала, понятно, кто по должности имел право знать о результатах.

Подводный спецназ, настоящие морские дьяволы! И Сергей Павлов, командир отряда, всегда был первым среди своих ребят, чего бы дело ни касалось: рекордных ли погружений, владения ли всеми мыслимыми видами огнестрельного и холодного оружия, техники рукопашного боя... Но прежде всего Сергея выделяло умение четко, нестандартно мыслить в любых, самых сумасшедших условиях, способность применять свои знания и опыт для поиска единственно верных ре-

шений, что позволяло ему и его подчиненным с честью выходить из запредельно сложных ситуаций.

Терпеливый и настойчивый, осторожный и неукротимый – таким воспитала его нелегкая спецназовская служба – в упорстве при достижении намеченной цели Сергей Павлов не знал себе равных.

За свой характер, за везение, за спокойную, непоказную отвагу, контролируемую острым умом, за широту щедрой природы старший лейтенант Павлов получил среди флотских уважительное прозвище Полундра. Но правом так называть его пользовались лишь близкие друзья Сергея.

Полундра был сложен как атлет. Широкая грудь, узкая талия, длинные мускулистые ноги. Плечи ватерполиста, такие мощные, что казалось, ему трудно будет проходить в двери, крепкие, отлично развитые запястья и кисти рук. Лоб высокий, открытый. Серо-зеленые, напоминающие любимую морскую стихию, глаза смотрели на мир спокойно и доброжелательно, хотя иногда, в тех самых запредельных ситуациях, взгляд Павлова становился таким, что лучше бы с ним не встречаться.

Точно в указанное время, минута в минуту, старший лейтенант Сергей Павлов вошел в дверь кабинета контр-адмирала Сорокина.

Адмиральский кабинет выглядел по-спартански: в нем имелось только то, что необходимо для работы. Длинный стол для совещаний с двумя рядами стульев с обеих сторон,

рабочий стол самого адмирала, над которым висели портреты Нахимова, Ушакова и Макарова. На рабочем столе – три телефона разных цветов, телефакс и селектор. Рядом – компьютерный уголок с двумя мощными машинами, оснащенными прекрасной периферией. Два сейфа. Два строгих книжных шкафа со служебной литературой, военной периодикой ДСП и сочинениями классиков морской военной науки. По стенам кабинета три громадные карты: мира, России и акватории морей Ледовитого океана. Сейчас карты были прикрыты специальными занавесочками.

Сергей Павлов не курил, но с удовольствием вдохнул аромат отличного трубочного табака, пропитавший кабинет.

Полундра искренне уважал хозяина кабинета. Было за что: шестидесятилетний контр-адмирал начинал свою служебную карьеру простым матросом, позже, уже офицером флота, сражался в «неизвестных войнах» у дальних берегов Вьетнама и Анголы, дважды тонул, однако оба раза выплыл, а на грунт пошли как раз те, кто пытался его утопить... Был адмирал Сорокин просолен насквозь и морскую службу знал не понаслышке. А самое главное – за все эти годы ни в чем не уронил чести русского офицера, не позволил сесть на свой мундир ни единому грязному пятнышку. На Северном флоте Сорокин пользовался непререкаемым авторитетом.

Контр-адмирал, в свою очередь, с большой теплотой относился к старлею Павлову. Несмотря на громадную разницу в возрасте и званиях, Сорокин, будучи прежде всего умным

профессионалом, а отнюдь не туповатым служакой из анекдота, считал Полундру не только и не столько подчиненным, покорным ему винтиком огромной боевой машины Северного флота, сколько своим соратником. Помощником и единомышленником, с которым предстоит довести до победного конца очень непростое, важное дело.

Именно о нем, о деле, шел сейчас разговор в адмиральском кабинете.

– Понимаешь, Сергей, – Сорокин в разговоре с глазу на глаз называл Полундру по имени, такого обращения не многие на Северном флоте удостаивались. – Тех испытаний, что ты провел в Баренцевом море, на мой взгляд, недостаточно. Командование со мной согласно.

Нужно кое-что доработать, чтобы уж точно получилась взрослая нерпа, а не белёк.

Павлов улыбнулся, удивившись меткости сорокинского сравнения. «Нерпой» условно называли новейшую разработку российских оружейников – мини-субмарину, или, по-другому, «подводный самолет». А белёк, как известно, детеныш нерпы, тот самый «маленький тюлень» из популярной когда-то песни. Прав адмирал. Надо нашу «Нерпу» из детского возраста выводить, надо ее научить классно охотиться.

Она, которая живая, а не из металла, вообще-то подводный хищник не из последних! Очень даже зубастая зверушка...

– Продолжение испытаний доверено мне? – спросил По-

лундра, стерев с лица неуместную в таком серьезном разговоре улыбку.

– Конечно. Ты не подумай, что я недоволен тобой, – Сорокин неверно понял вопрос Сергея, – или результатами. Но нужно посмотреть ее возможности в условиях пресной воды. На разных глубинах, в том числе и предельных, на сложных донных рельефах, в мощных подводных течениях... Ты со мной согласен?

Павлов кивнул. Еще бы он не согласился! «Нерпа» обещала стать идеальным оружием подводного спецназа, для диверсионных целей крохотная одноместная подлодка тоже была чудо как хороша. Она могла быть спущена с корабля неподалеку от побережья противника, пройти незамеченной по крупной реке к городу или гидроузлу, к системе шлюзов, например, или плотине ГЭС. Возможен был вариант десантирования «Нерпы» вместе с пилотом в озеро или водохранилище с воздуха, скажем, с вертолета. Много было разнообразных способов использования такого отличного оружия в пресной воде, не меньше, чем в морской. А пресная вода от соленой отличается значительно, хотя бы по плотности, электро-, тепло- и звукопроводности, по ряду оптических свойств... Да мало ли еще по чему! Это Полундра знал не из теоретических курсов, а на собственной шкуре испытал. Значит, действительно, без испытаний в пресной воде не обойтись.

– Скажи, – спросил его Сорокин, – если бы ты сам выби-

рал место для продолжения испытаний, что бы ты выбрал?

Контр-адмирала явно всерьез интересовал ответ старлея Павлова, вопрос был отнюдь не риторическим. Видимо, Сорокин надеялся получить независимое и профессиональное подтверждение правильности уже принятого им решения.

Полундра на некоторое время задумался, прикидывая сравнительные достоинства многочисленных пресноводных водоемов России для предстоящей работы. В самом деле, какой бы он выбрал?

– Байкал, – решительно сказал Сергей после недолгого молчания.

Сорокин довольно улыбнулся: ему было приятно, что выбор Полундры совпал с его собственным.

– А почему? – продолжил он.

– Во-первых, – ответил Сергей, догадавшись, что попал в «десятку», – диапазон глубин. Все же самое глубокое озеро мира, до тысячи шестисот метров! Конечно, на полтора километра мне даже на «Нерпе» не нырнуть, тут другая техника нужна, но все же... Там поглядим, на сколько погружаться. Далее: донный рельеф там на любой вкус, любой степени сложности. Характер отложений тоже самый разнообразный, от мягких лессовых илов по устьям рек до голого камня, мы сможем выбирать. Сильных поверхностных течений на Байкале нет, зато глубинных, придонных – сколько угодно. Что нам и требуется. Так, что еще? Вертикальная циркуляция незначительная, значит, даже летом температура во-

ды на глубинах больше ста метров не превышает плюс четырех градусов. Это хорошо: лишнее испытание на экстремалку, как будет нерповский движок в такой холодной воде работать. В Баренцевом море он отлично себя в этом отношении показал, но тут лишний раз – он совсем не лишний, кашу маслом не испортишь. Ну и, – улыбнулся Полундра, – просто люблю я Байкал, сами места эти... В такое время года туда попасть – это вроде как на курорт за казенный счет, право слово!

Контр-адмирал кивнул, вновь довольно улыбнулся:

– Все верно. Хорошо мыслишь, Сергей. Излагаешь тоже хорошо – точно, кратко и ясно. Именно по этим причинам я выбрал Байкал, ты угадал. Еще, кстати, потому Байкал удобен для испытаний, что это внутреннее озеро России, оно достаточно далеко от границ, значит, заведомо будет исключен электронный мониторинг со стороны вероятного противника. А из космоса шпионить – хрен достанут! Зря улыбаешься! Это пусть дураки-политики считают, что у России противников в мире не осталось, одни друзья. Мы-то с тобой военные. Нам положено умными быть, немного вперед заглядывать. Заметь: ни у янкесов, ни у японцев, ни у объединенных европейцев даже близко ничего похожего на мини-субмаринку нашу нет. Даже в проекте! Это я точно знаю, ребята из СВР нашего флота такой отличный аналитический материал по данной теме подготовили, что Штирлиц от зависти утопился бы. Но ведь мы не можем быть стопроцентно уве-

рены, что информация о «Нерпе» не просочилась к нашим заклятым друзьям! Теперь представь, какой это для них лакомый кусок! Да любая военная разведка мира на что угодно пойдет, чтобы хоть одним глазком на испытания «Нерпы» глянуть, не говоря уж о возможности спереть опытный образец. Так что... Отставить курортные настроения. Придется тебе смотреть в оба, и вообще – поберечься.

«Это пусть они поберегутся!» – хотел было заметить Павлов, но не успел.

– Чтоб не у тебя одного там об этом голова болела, – продолжил контр-адмирал, слегка усмехнувшись, – и поскольку разработка строго секретная, охранять «Нерпу», а также тебя будет взвод элитного морпеха. Чтобы не украли ненароком.

– Меня?! Охранять?! – возмутился было Полундра. – Да я сам кого хочешь... так охраню, что мало не покажется.

– Не кипятись. Ты же только что говорил: кашу маслом не испортишь. ЗабВО не наша епархия, кому там можно абсолютно доверять, а кому не очень, нам с тобой неизвестно. Опять же, нет там настоящих моряков, одни... хм-м, скажем так, бурундуки сухопутные. А эти морские пехотинцы – проверенные ребята, наши североморцы. Сейчас, – Сорокин посмотрел на часы, – я тебя с их командиром познакомлю. Старший лейтенант, как и ты. Михаил Никифоров. Он родом с Байкала. Те места знает отлично. Глядишь, подружись.

Пристрастие контр-адмирала к точности было, очевидно, известно командиру взвода морских пехотинцев, потому что в тот же момент дверь кабинета распахнулась:

– Старший лейтенант Никифоров. Прибыл по вашему приказанию.

Он внешне чем-то напоминал Полундру: тот же атлетизм фигуры, ни грамма лишнего жира, та же мягкая точность движений, заставляющая вспомнить повадки крупных хищников семейства кошачьих. И взгляд тоже спокойный, уверенный. Только вот глаза темно-карие и чуть раскосые, видать, текла в жилах Михаила капелька бурятской крови. Да еще немного ниже, но немного же и покоренастей Павлова.

«Интересно, – с отстраненным любопытством глядя на Никифорова, подумал Полундра, – сделал бы я его в рукопашном спарринге? Хм-м... Бабушка надвое сказала. Надо будет предложить ему попробовать. Минут пять. Лучший способ познакомиться, однако!»

Забавно, что о том же, почти теми же самыми словами, думал исподтишка поглядывающий на знаменитого Полундру морской пехотинец.

– Каждый отпуск в родных местах провожу – в Усть-Баргузине, – подтвердил Никифоров слова контр-адмирала чуть спустя. – И еще двое парней из моего взвода тоже из Прибайкалья. Золотые ребята, настоящие сибиряки.

– Ну что ж, отлично. Знакомство ваше, орлы боевые, состоялось, – улыбнулся Сорокин двум старлеям – спецназов-

цам. – Красивых слов говорить не буду, не приучен. Как и вы оба. Но помните: я крепко на вас надеюсь. Если не мы, североморцы, то кто же, а?

Сергей и Михаил понимающе переглянулись: что тут ответишь? Да и не ждал от них контр-адмирал никакого ответа типа «рады стараться!», слишком умен был для этого, не любил риторики. Делом докажем, что не зря на нас надеются, дело – оно убедительнее любых красивых слов. Некоторое время они молчали. Но молчание было не настороженным, а дружелюбным, согревающим, словно они знали друг друга не первый год. Искорка взаимной симпатии почти мгновенно проскочила между двумя молодыми офицерами.

– Теперь обговорим детали, – продолжил адмирал Сорокин. – Маршрут следования мы разработали такой: здесь, в Мурманске, «Нерпу» загрузят в транспортный «Ил-76», который приземлится на аэродроме авиационной базы в поселке Горяченске. Конкретику – где испытывать «Нерпу» – я оставляю на ваше усмотрение, там на месте разберетесь.

– Горяченск... Странное название, – хмыкнул Павлов. – Оно, случаем, не от белой горячки пошло?

– А все может быть, – весело рассмеялся Никифоров. – Хотя скорее все же от горячих источников, их там полным-полно. Знаю я этот городок, он на реке Турка стоит, впадающей в Байкал, около ста километров от Усть-Баргузина, моей родины. И авиационную базу тамошнюю знаю. Что до места, то лучше Усть-Баргузина ничего не найдем. Лишь

бы там поблизости какая-никакая военная часть была, с инфраструктурой. Чтобы не в палатках жить и, извиняюсь, не под кустиком оправляться. Помнится, была такая, года два назад. Локационщики. Если не разогнали, так самое то будет.

– Когда отправляемся? – спросил посерьезневший Полундра у адмирала.

– Вылет назначен на завтра, – коротко ответил Сорокин. – Вы свободны, господа офицеры. Времени на сборы вам, надеюсь, хватит? Вот и отлично, в добрый путь! Желаю по нашей морской традиции попутного ветра, спокойного моря и семь футов под килем!

Адмирал проводил Михаила и Сергея до дверей, крепко пожал им руки.

Он посмотрел в спины выходящих из его кабинета офицеров. Таких энергичных, сильных... таких молодых! И чуть ли не впервые в жизни почувствовал укол зависти. До чего ему сейчас хотелось оказаться на месте одного из этих славных парней!

Глава 9

Раннее лето в бурятском Прибайкалье не чета заполярному. Буйное цветение почти не тронутой природы, неопишущая, фантастическая красота великого озера и его берегов производит на свежего человека ошеломляющее впечатление; глядя на такое, невольно вспомнишь о библейском рае.

А уж если нехилый кусочек этакого великолепия обнесен могучим бетонным забором, да основательно полит солдатским потом, для придания ему великолепия еще большего... Вовсе получается сказка из «Тысячи и одной ночи».

Посреди громадного, с полгектара участка, выходящего прямо на берег Байкала, стояла дачка генерал-майора из штаба ЗабВО Геннадия Феокистовича Берсентьева. Неброский такой трехэтажный особнячок. Пять комнат на третьем, четыре, включая кабинет хозяина, – на втором этаже. На первом каминная имеется, бильярдная на три стола, обеденный зал и гостиная с холлом.

Бального зала, правда, явно недостает. Видать, не хватило средств – скромного генеральского денежного довольствия...

В саду расположились хозяйственные постройки: гараж, по габаритам как раз под БТР подходящий, пара кирпичных амбаров, кухня чуть в стороне, – это чтобы нежное обоняние генеральской супруги не оскорблять запахами готовки.

Ну и по мелочи... сараюшки всякие. Из проарматуренного керамзитобетона.

На байкальском берегу копошилась пара отделений солдатиков-срочников в изляпанных цементным раствором гимнастерках, с тачками, ломami и лопатами. Чудо-богатыри строили стационарный причал для генеральской яхты, сама же яхта покачивалась на слабой волне у временного причала, немного в стороне. Солнечный свет, бликуя на воде, отражался от ее зарифленного сейчас паруса, от белых бортов, на каждом из которых причудливой вязью выведено «Виктория». Остается только догадываться, то ли латынь генерал-майор так хорошо знает, то ли в честь любимой супруги так суденышко назвал. Второе вернее. Движок, кстати, у суденышка нехилый: трехсотсильный дизель. Под парусом оно красивей, конечно, так ведь уметь надо... С мотором как-то надежнее.

Весь участок отдан под отлично ухоженный сад. Цветы на любой вкус, но больше всего роз, которые предпочитает Виктория Владимировна. По периметру, около забора, скрывая его бетонную угрюмость, высажены декоративные голубые ели. Вдоль асфальтированных дорожек росли молодые рябинки, березки, китайская акация, усыпанная ажурными, воздушно-розовыми цветами.

Пятна тени на дорожках, нарисованные солнечным светом, профильтрованным листьями деревьев, складывались в причудливый узор. Отцветала уже давно отцветшая в

Москве черемуха, рассыпая по газонам, постриженным на английский манер, свои белые невесомые лепестки. Пчелы жужжат, шмели летают толстые, как дирижабли, над розовыми тугими пионами и малиновыми флоксами.

Молодой парень в до белизны выгоревшей хэбэшке и стоптанных кирзачах подравнивал огромными садовыми ножницами поросль любимых хозяйкиных роз. Это был такой же солдатик из расположенной поблизости части, что и строители причала для яхты. Пора, пора в дополнение к уже существующим – щим в наших Вооруженных силах уставам еще один вводить. Трактующий порядок бесплатных строительных и прочих работ военнослужащих на дачных участках отцов-командиров. И не на одних дачных участках. Как бы вот только назвать такой устав, чтобы прилично звучало?

Именно этот «военный садовник» с ножницами стал причиной урагана, тайфуна, в клочья разнесшего райское благолепие. Тайфун, как это повелось у метеорологов, носил ласковое женское имя «Виктория». С добавлением отчества и фамилии, а также высокого звания генеральши. Солдатики, работающие на участке, правда, иначе как «стервозина долбаная» эту даму не именовали. Между собой, понятно.

– Ты что, с-скотина, ублюдочный дебил, наделал?! – Голос появившейся перед солдатиком с ножницами незнамо откуда, словно чертик из табакерки, Виктории Владимировны достиг подлинного крещендо. – Куда твои поганые буркалы смотрели, придурок ты, пальцем деланный, а? Я тебя

спрашиваю, урод, чтоб у твоего папаши хрен на лбу вырос! Ты же, животное, мою любимую розу срезал! Ну...

Генеральша Берсентьева подняла лежащую у ног паренька в хэбэшке веточку с нераспустившимся, невзрачным бутонном и резким движением хлестанула его по щеке «любимой розой».

– Я же... Я ведь не нарочно, – бормотал солдатик, с трудом сдерживая закипающие в глазах слезы.

Сейчас он страстно мечтал об одном: воткнуть лезвия садовых ножниц в горло этой визгливой сучке, а потом провалиться сквозь землю от нестерпимого стыда.

Право же, досадно, что не хватило у него смелости и злости, чтобы это желание осуществить!

Генеральшин гнев, однако, еще не был утолен, он требовал выхода, объектов приложения. А чего их далеко искать-то, – вон они, объекты, возятся с лопатами у недостроенного причала.

– А вы чего еле шевелитесь, ур-роды ленивые?! Что за гадостью мне весь сад запаковали? Почему все листочки на розах серые?!

– Так ведь цемент... – робко попытался возразить один из строителей причала. – Ветром его носит, а как без цемента раствор пригодишь?

Лучше бы промолчал. Теперь же пришлось выслушать в исполнении Виктории Владимировны не – что новое о строительных технологиях:

– На говне своем приготовишь, вошь ползучая!! Я из тебя самого сейчас раствор сделаю! Ты у меня языком каждый листик вылижешь, пока не заблестят! – После чего госпожа генеральша отпустила такой простонародный оборотик, что и у просоленного боцманюги уши бы в трубочку свернулись.

Нет, право, богат русский язык! Особенно в устах начальственных дам с претензией на аристократизм.

Солдатики угрюмо понурились. Из собственного печального опыта они знали: это только прелюдия. Сейчас основное отделение концерта по заявкам последует.

Оно бы и последовало, но тут из приоткрытого окна столовой раздался начальственный рык самого Геннадия Феоктистовича:

– Вика! Р-разгони к чер-ртовой матери этих сволочей! За ворота уродов, пусть пешком до части добираются, хр-рена лысого им сегодня, а не «рафик»! У м-меня гость, а выр-родки эти тут, п-понимаешь, разорались! – Судя по голосу, господин генерал-майор пребывал в изрядном подпитии.

Солдатики грустно переглянулись: так это, оказывается, они разорались... Ох, далеко пешком до части пилить! И брюхо подвело, ведь с утра не жрамши... Один из них, видать, самый голодный, робко проямлил, обращаясь к Берсентьевой:

– Нам обещали, что вы тут покушать, значит, дадите. Обедом, значит, покормите...

Такое наглое требование окончательно расстроило бед-

ную женщину. Можно даже сказать, взбеленило:

– Ишь, обед ему! Может, мне еще и переспать с тобой, жопа ты ушастая?! Я на вашу золотую роту сейчас ведро помоев выставлю. А потом лично прослежу, чтобы все до капли схавали. Поку-ушать им захотелось! На всех не напасешься! Заелись тут, зажрались, лодыри безрукие! Убирайтесь немедленно, чтобы я вас не видела.

«Это точно, – подумал худенький солдатик-первогодок, опуская глаза, чтобы женщина не заметила полыхнувшей в них ненависти. – Заелись. Дерьма... Который день лопаем. А уж чтобы с тобой переспать, так по мне куда приятнее сдохлой гадюкой этим делом заниматься».

Нестройной толпой защитники отечества поплелись к воротам генеральской фазенды. Но голодными они на этот раз все же не остались, потому что, на их счастье, до ворот было далеко, а Виктория Владимировна сразу же зашла в особняк и не видела того, что последовало дальше.

Но, словно на смену ей, из боковой двери дачи выпорхнула девушка лет девятнадцати-двадцати, чем – то неуловимо напоминающая хозяйку дачи.

Вот только выражение лица у девушки было совсем другое, не в пример приятнее: доброе и виноватое. В обеих руках она держала по здоровущему полиэтиленовому пакету.

Она догнала солдат у самых ворот участка, жестом указала им на густо разросшиеся кусты махровой сирени, дескать, туда, за кусты, чтобы из окошек не увидели.

– Держите, парни. – В голосе девушки проскальзывали виноватые нотки, хоть она старалась говорить весело. – Я вам тут собрала перекусить маленько. Консервы – тушенка китайская, потом хариус жареный, балыка омулевого кусок. Пирог домашние с капустой, есть еще с повидлом, они внизу. Конфеты, чая три пачки. Пять пачек сигарет. Да! Там еще фляжка, а в ней домашняя настойка на боярышнике, правда, немного. Папан все едино поддатый, не заметит, что я из четверти отлила. Решит, что сам с китаезой этой выжрал.

Один из солдат, который посмелее, и уже не первый, видеть, раз бывавший на генеральской даче, взял из рук девушки пакеты:

– Спасибо тебе от всех нас, Леночка! Беги, пока родители не заметили, а то мать ругаться станет.

Она улыбнулась, кивнула и пропала за кустами, словно привиделась.

– Это кто же, – спросил один из солдатиков, похоже, впервые попавший на генеральскую каторгу. – Неужели дочка?! Ну-у, ни фига себе... Прямо это, как там его... мимолетное виденье, ядрены пассатижи!

– О-ох, я бы ей и вдул! – мечтательно простонал еще один, глядя вслед исчезнувшей за сиреневыми зарослями девушке и облизывая враз пересох-шие губы.

– А не заткнуть ли тебе пасть свою поганую. – Парень, державший пакеты с едой, недобро посмотрел на сексуально озабоченного вояку. – А то я сейчас так вдую, что ты навсегда

слово такое забудешь. Понимать же надо... Леночка к нам как к людям относится, так, значит, надо быть людьми! Даже непонятно, – продолжал он, успокоившись, – у двух таких тварей и какая дочка замечательная, а?

Впрямь удивительно, даже не верится. Недаром же говорят: «Яблочко от яблони недалеко падает». Надеяться, что в такой милой семейке появится совестливая, чуткая к чужой обиде дочь, столь же безнадежно, как ожидать, что на пальме вырастет редиска.

Однако нет правил без исключений. Как в самых лучших семьях, у людей, знакомством с которыми можно гордиться, дети изредка становятся отпетыми мерзавцами, так и в гнездышках типа берсентьевского, бывает, появляются птенцы, не похожие на родителей-стервятников. Тут был как раз тот редкий счастливый случай. Для окружающих счастливый. Потому что для старшего поколения подобное несоответствие заканчивается, как правило, печально. Да и у детей, белых ворон в собственной семье, судьба обычно не складывается...

Назвать Леночку Берсентьеву красивой в том смысле слова, которое вкладывают в него жюри расплодившихся конкурсов фото – и всяких других моделей, пожалуй, было нельзя. Рост не под два метра, как у Николь Кидман, носик натуральной славянской пипочкой, ноги растут не «от ушей», а попросту из задницы. Каковая часть тела стандартам мировой моды не соответствует уже тем, что ее можно разглядеть

без микроскопа. Равно как и все другие характерные особенности уже вполне оформившейся фигуры. Да и вообще – нет от Леночки впечатления томности и заморенности, столь любезного истинным ценителям женской красоты, вполне в теле девица.

Зато мила, обаятельна чрезвычайно. Она успела прекрасно загореть, и коротко остриженные светло-русые волосы уже сейчас, к середине июня, выгоревшие почти добела, отлично подчеркивали коричневатый оттенок шеи и плеч. Глаза у нее были очень живыми, веселыми, того неуловимого цвета между серым, желтым и зеленым, который часто встречается у кошек.

Она вообще чем-то напоминала кошку, но не избалованную домашнюю мурлыку, не слезающую с дивана, и не беспощадную ночную охотницу, а, скорее, веселого котенка. И что бы Леночка Берсентьева ни делала, делала она это со всем, присущим котеночному возрасту, очарованием. Причем сама прекрасно об этом знала.

Успокоив немного совесть, так и зудевшую после того, как девушка полюбовалась на поведение своей мамочки, Леночка направилась к покачивающейся у временного причала яхте. Проходя мимо дачи, она недовольно поморщилась: из окна первого этажа доносился пьяноватый отцовский басок, которому отвечал по-китайски подмяукивающий голос Чжоу Фан Линя. Нет, девушка относилась к китайцам ничуть не хуже, чем к любым другим нациям, просто вот этот

конкретный китаец вызывал у нее глухое раздражение.

Чжоу Фан Линь не впервые приходил к ним в дом, и Лечке с первого взгляда не понравилась его словно приклеенная улыбочка, его манера как бы ощупывать ее глазами... Все не понравилось! Но что ж делать, раз у отца с жирным китайцем какие-то дела!

...Дела за громадным, как строевой плац, столом, обильно уставленным всякой снедью, меж тем обсуждались вовсю.

Да-а, на стол стоило посмотреть! Голодных солдатиков небось кондрашка бы хватил, увидь они такое изобилие. Геннадий Феоктистович Берсентьев был убежденным сторонником простой, здоровой пищи. Поэтому никаких импортных, равно как и отечественных продуктов генеральская семья никогда не покупала. Кто ж не знает, что все это – чистая отравка! Все, включая особой выпечки хлеб из армейской пекарни, только свое! В смысле – солдатское, но это уже несущественные детали. Ну и Байкал рядом, тайга, опять же... С голоду не пропадешь, особенно если разные просители-посетители, а штаб ЗабВО это вам не кот начхал, – прямо-таки насильно всучивают разнообразные дары природы.

Повара своего, парня, полтора года назад призванного из Питера, генерал-майор выменял у своего сослуживца на художника-оформителя. Того из Саратова призвали, аккуратно в часть, которую Берсентьев «курировал». А сослуживец ремонт своей фазенды тогда затеял, понадобился ему спец по дизайну. Правда, пришлось Геннадию Феоктистовичу еще

тонну бензина добавить, а то сослуживец обмен неравноценным считал. Но не прогадал Берсентьев, хорош оказался повар!

Студень был такой прозрачный, что каждый листик петрушки, каждое морковное колечко виднелись в его толще особенно четко, выпукло и объемно. Слегка схваченный поверху жирком, он казался совсем легким, воздушным, но резать его можно было только острым ножом! Рядом со студнем – громадная керамическая миска с квашеной капустой. В нарезанных капустных пластах светятся брусничины. Тут же соленые грузди, такие огромные, что непонятно, как же они в бочку-то помещались. Байкальские ельцы, запеченные в собственном соку. Малосольная стерлядка, лучшая, по мнению многих, закуска на свете. Пышный круглый пирог с неповторимым омулем.

Но не одной же рыбкой человек жив! Парная телятина, протушенная в белом вине, по-французски, это как вам? Домашнего копчения окорока трех сортов, рулет с глухаринной грудкой... И много чего еще. А на гарнир – молоденькие стручочки китайской фасоли, обжаренные в топленом масле с китайским же отварным рисом.

Под такую «скромную» закуску и выпивка соответствующая. В этом вопросе Геннадий Феокистович тоже придерживался здорового консерватизма истинно народных традиций. Даже водку не признавал! Только пшеничный самогон тройной очистки, прозрачный, как вода в Байкале, настоян-

ный на смородиновых почках, горном алтайском чабреце, листьях багульника. Да на каждую четвертную бутылку с настоечкой – по две столовые ложки женьшеневого экстракта и по три – спиртовой вытяжки из золотого корня, родиолы розовой. Кто такие напитки пьет, тот о болезнях навсегда забудет, тот в сто лет при живой жене десять любовниц заведет. Хотя нет! Десяти не хватит.

За скромной трапезой сидели двое. Хозяин дачки, генерал-майор Берсентьев, крупный краснорожий мужик лет пятидесяти с гаком, выглядел уже солидно набравшимся. Рядом с ним, полуразвернувшись к собеседнику – напротив за таким столиком неудобно, кричать бы пришлось, – расположился в уютном полукресле «мирный китайский огородник», лучший друг российских военных Чжоу Фан Линь. Речь шла как раз о двух упомянутых предметах: военных и огородничестве.

– Ты мне вола не верти! – Глазки Геннадия Феокистовича, маленькие и покрасневшие, удивительно напоминающие пороссячи, презрительно прищурились. – Ты мне сразу скажи, какой процент откатных я с тебя поимею, если все поставки овощей в военные части округа отдадут тебе?

– А что изменилось с прошлого года? – вежливо поинтересовался толстый китаец. – Пять процентов с капусты и лука, три – со всего остального.

– Н-не-ет, это ма-а-ло... – обиженно протянул генерал. – Пять со всего! Мне деньги нужны.

– Да-а? – В голосе китайца прозвучала ирония. – Но это очень большие деньги...

– Вот я и говорю, что большие. – Генерал сыто рыгнул. – На хера мне маленькие? Не жмись, Чжоу, ты же знаешь, что власть у меня есть.

Немалая. Оч-чень немалая. А уж влияние на местных чиновш я такое имею... Ты не сомневайся, они у меня по струнке ходить будут! Любое соглашение подпишут. На хрена тебе всю эту стаю поодиночке подмазывать, если я, твой друг, сам все организую. Пять со всего!

«С такими друзьями, – думал китаец, по-прежнему радостно-почтительно улыбаясь, – врагов мне уже не надо! Варвар, скотина русская... Меня просто по имени называет, даже не знает, кабан холощенный, что смертельно меня оскорбил. Однако без этого жадного дурака покамест не обойтись. Кинем ему кусок, пусть подавится. Но потребуем еще кое-чего!»

– Я готов пойти навстречу вашему желанию, уважаемый, – слегка наклонив голову, как бы изобразив поклон, сказал Чжоу Фан Линь. – Пусть будет пять процентов со всего оборота по овощам. Но у меня есть еще одна просьба.

– Это какая еще? – подозрительно поглядел на него генерал.

«Чего этой узкоглазой харе занадобилось?» – думал Берсентьев, глубоко уверенный в своем расовом, умственном, физическом и каком угодно еще превосходстве над желто-

пузой обезьяной.

Стоили партнеры по бизнесу друг друга, ох стоили!

– Мне стало известно, – осторожно начал Чжоу Фан Линь, – что этим летом планируется начать ремонт дома отдыха для военнослужащих. А также строительство детского оздоровительного лагеря.

– Подряды хочешь получить? – догадался генерал. – Ну ты раскатал губенки! Это покруче овощей будет, там бабульки ох какие хор-рошие!

– Помилуйте, – улыбка жирного китайца стала совсем уж медовой, – а чем мы, хуатяо, хуже других строителей? Мы лучше!

Чжоу Фан Линь родился на острове Цюшан в устье великой Янцзы, в городе Тиньхай. Уроженцы тех мест пользуются в Поднебесной примерно такой же репутацией непревзойденных коммерсантов и дельцов, что наши одесситы. Собеседник генерал-майора был достойным представителем цюшанцев.

«Если потребует не больше десяти процентов от сметной стоимости, – еще раз прикидывал он в уме, – дам. Дело того стоит. На некондиционке, на субподряде я там получу такую прибыль, которая все расходы трижды оправдает. Смету тоже, кстати, можно составить по-разному. Кто меня проверит? Не боров же этот...»

– Двенадцать процентов от сметы, – после некоторого раздумья сказал хозяин дачи.

– Я раз-зорюсь, уважаемый! – в притворном ужасе китаец воздел руки к небу, которое в данном случае заменял потолок гостиной. – Пять процентов.

Сошлись на восьми к обоюдному удовольствию. Разлили по этому поводу, выпили, закусили. Гость пил настойку на смородиновых почках очень понемногу, оставаясь практически трезвым; хозяин глушил стаканами, хмелея все сильнее.

– Но я надеюсь, уважаемый, что комиссия по приемке объектов, – Чжоу Фан Линь посмотрел в заплывшие, отекающие глаза генерала очень красноречивым взглядом, – будет лояльно настроена к бедным хуатяо!

– Л-лояльн-но? Хрен с тобой! Б-будет! – пьяно засмеялся Берсентьев. – Ишь, слова какие знаешь! Это че такое значит «лояльно», а? Эт-то не по-русски!

Но тут его мысль, как часто бывает у основательно поддавших людей, совершила неожиданный кульбит, и генерал, не дождавшись ответа, сменил тему застольной беседы.

– Слышь, – с любопытством уставился он на китайца, – на кой черт ты причал бывшего рыбоконсервного завода выкупил? Толку от него никакого. Людей на нем только держишь. Рыболовецкое судно приобрел. Ну на хера оно тебе, ежели ты в рыболовстве разбираешься, как... как шлюха в астрономии?

Лицо Чжоу Фан Линя приобрело едва заметное выражение досады.

– Хочь возродить промысел, заводик консервный заново

отстроить, это хорошее вложение капитала, – как-то неубедительно, словно бы оправдываясь, ответил он.

Внимательный наблюдатель сразу понял бы, что разговор на эту тему китайцу неприятен. Но Берсентьев внимательным наблюдателем не был, с пьяной танковой прямолинейностью он продолжал:

– Вр-решь! Какое, на хрен, возрождение? Чего ж ты с причала-то начал, а? Вовсе даже не с цехов, как бы по уму надо, а со сраного причала? Наловит твой кораблик рыбки, – Берсентьев вновь сыто рыгнул, – куда ты ее, на хрен, девать будешь? Обратно в Байкал, пока не протухла? Финтишь ты! Ну да и пес с тобой, финти дальше. Мне эти твои дела, вообще-то, по херам. Мне своих хватает.

Явно обрадованный тем, что эта тема исчерпана, Чжоу Фан Линь поднялся из-за стола и стал прощаться с гостеприимным хозяином.

– Э-э, нет! погоди! – остановил поток вежливых слов генерал-майор. – У меня к тебе еще дело.

– Весь внимание, уважаемый! – Чжоу Фан Линь внутренне усмехнулся, решив, что ненасытный генерал опять начнет канючить деньги.

По большому счету он не ошибся, речь, правда, пошла не о деньгах, а о халявной выпивке-закуске. Ну, это мелочи.

– В военную часть около Усть-Баргузина привезешь завтра водку, закуску, одноразовую посуду, короче, накроешь там поляну. Список у моего повара возьмешь. Чтобы, зна-

чит, встретить...

– Кого встретить? – настороженно поинтересовался китаец. – Что, неужто проверка из Министерства обороны приезжает?

– Упаси господь, накаркаешь еще, – махнул рукой генерал. – Проверок министерских нам тут только не хватало... Морячки-североморцы приезжают. Негде им остановиться, кроме как у эрэлэсников. Какое-то свое подводное оборудование будут испытывать. Тебя это не коснется. Но дастархан ты мне об-беспечь, понял?

Леночка Берсентьева, как раз возвращавшаяся с байкальского берега домой, не подслушивала специально: она просто проходила мимо окошка первого этажа, а папашин пьяный басок доносился аж до ворот фазенды.

«Хочу на испытания, – подумала девушка, – хоть людей новых посмотреть. Да и себя показать, вдруг среди североморцев этих парни интересные окажутся? Вот хорошо бы... А то совсем я закисла в этой глуши, впору хоть с папашиними солдатами флиртовать».

Искусством убеждать папашу сделать все, что угодно, лишь бы доставить дочке удовольствие, Леночка в совершенстве овладела еще с пеленок. Вот и сейчас она не стала терять времени на то, чтобы зайти в особняк, а закричала прямо в открытое окошко:

– Папа, возьми меня на испытания! Ну пожалуйста! Я здесь со скуки утоплюсь скоро! Очень тебя прошу! – и,

неплохо изучив натуру родителя, добавила: – Конечно, если ты не сможешь сделать так, чтобы мне разрешили там быть... Я же понимаю, секретность, а ты тоже не всемогущ... Тогда что ж, тогда не надо.

– Кто не см-может?! Я не см-могу?! – Генерал-майор ахнул кулачищем по столу. – Поедешь, доча! Об-язательно! Да они все у меня... Вот они у меня где! И мать возьмем, все и поедем, как думаешь, доча?

– Конечно, возьмем, – радостно чирикнула довольная своей легкой победой Леночка.

Глава 10

Какое это удовольствие – после восьмичасового перелета вновь оказаться на твердой земле, размять затекшие в тесноте транспортного «Ил-76» мышцы!

Павлов улыбнулся, с наслаждением потянувшись всем телом, обернулся к своим спутникам.

Их, не считая взвода бравых морских пехотинцев, которые сейчас помогали аэродромной службе вытащить из брюха транспортника заботливо упакованную в брезент «Нерпу», было двое. Командир взвода этих крепких ребят – Миша Никифоров и представитель завода-изготовителя «подводного самолета», совсем молодой еще инженер, с которым они познакомились перед самым вылетом из Мурманска. «Нерпу» как раз загружали в грузовой люк «Ила», и один из ее создателей очень волновался: как бы не повредили случайно его детище. К мини-субмарине он относился как к живому существу.

– Котельников Тимофей, – представился инженер Полундре и стоящему рядом Никифорову. – Можно коротко: Тим.

И затем, протягивая для пожатия руку, добавил высоким, ломающимся, совсем юношеским дискантом:

– Васильевич... Но давайте, наверное, на «ты», если вы не возражаете, а?

Оба спецназовца слегка насмешливо переглянулись, а затем представились Тиму Васильевичу. Знакомство состоялось. Чуть заметные искорки смеха, мелькнувшие в глазах Сергея и Михаила, объяснялись просто: уж очень забавно выглядел обладатель редкостного кошачьего имени-отчества.

Он был очень молод, видимо, совсем недавно с институтской скамьи. Долговязый, слегка сутулый, худой, в очках, за которыми посверкивали сильно увеличенные ими светло-карие живые глаза. При взгляде на Котельникова приходило в голову, что слово «телосложение» к нему неприменимо, как в свое время ко Льву Давидовичу Ландау: к молодому инженеру хотелось применить термин «теловычитание», он, казалось, весь состоял из ломаных линий и углов. Угловатые острые локти, такие же коленки, даже шея выглядела какой-то угловатой. Не фигура, а чертеж из учебника геометрии. Длинный выступающий нос, такой же заостренный подбородок, словно над лицом Тима потрудились резчик по дереву. Да и вообще он очень напоминал внешне великого академика Ландау в молодости.

Словом, Котельников будто бы сошел с кино-экрана, из тех еще, советского времени, фильмов про интеллигентов не от мира сего, творящих высокую науку. Такой типаж в жизни вроде бы не должен встречаться в чистом виде – как-то даже фальшиво получается, – но вот поди ж ты! Да еще очки для полноты картины... Смущен он к тому же был отчаян-

но, даже вспотел от смущения, а лицо его покрылось ярким, прямо-таки девичьим румянцем.

Улыбка у Тимофея Котельникова была замечательная: широкая, открытая, сразу располагавшая к нему. Разве вот только даже в этой улыбке чувствовалась некоторая робость, оттенок неуверенности в себе, словно бы вина, что вот он такой нескладный, неуклюжий... Особенно по контрасту с Сергеем и Михаилом, те словно с плаката про преимущества здорового образа жизни сошли. Деликатность и застенчивость нового знакомого североморцев превышала все мыслимые пределы, сразу становилось понятно, что комплексов у этого молодого мужчины через край.

«Есть люди, – подумал Полундра, пожимая узкую, но сильную ладонь Тимофея, – их немало, которые даже явное везение, всякое счастливое обстоятельство, всякое деликатное, вежливое, доброжелательное отношение к себе воспринимают лишь как удачное избавление от всевозможных неприятностей. Это еще с детства идет. Для таких всякий громко и уверенно разговаривающий человек – уже начальник, а если кто способен наорать, а то и изматерить, тот может сравниться с самим господом богом. У таких людей даже приветливость окрашена легкой тенью пришибленности, отчего производит впечатление несколько болезненное. Ну да ничего, от комплексов мы с Никифоровым этого ученого задохлика быстро вылечим. С ним бы общефизической подготовкой позаниматься... Да пару простеньких приемчи-

ков из моего арсенала рукопашки разучить, тут он мигом себя крутым мужиком почувствует, куда только все комплексы одеваются. Займемся на досуге. Да откормить его малость натуральной сибирской едой, а то ведь в чем душа держится. Самое главное – чтобы этот парень хорошим специалистом оказался, инженером классным, как тот, с которым я в Баренцевом море поработать успел. Тот постарше был, видать, один из главных разработчиков „Нерпы“, их научный генерал. Жаль, что его радикулит скрутил, я с ним неплохо сработался. А может, это только отговорка, про радикулит, просто решили они молодую поросль обкатывать. Тоже, кстати, правильно. Но к субмаринке нашей Тимофей, сразу видать, относится трепетно, – ишь, смотрит на нее, как влюбленный на предмет своей страсти. Это хорошо. Люблю я людей, увлеченных своей работой, а Котельников, похоже, из таких».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.